

◆ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ◆

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Любовь
преодолеет все

ПОЦЕЛУЙ
ФОРТУНЫ

Русская красавица. Романы Е.
Арсеньевой. Новое оформление

Елена Арсеньева
Поцелуй фортуны

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Поцелуй фортуны / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2023 — (Русская красавица. Романы Е. Арсеньевой. Новое
оформление)

ISBN 978-5-04-187266-3

1812 год. Ангелина Корф вернулась из Смольного института в поместье деда и ведет беззаботную жизнь провинциальной барышни, не помышляя о замужестве. Но роковая встреча на берегу Волги с сероглазым гусаром Никитой Аргамаковым меняет все, заполняя ее жизнь страстью и счастьем. Война с Наполеоном повергает Ангелину в пучину страданий. Девушка переживает страшные потрясения, становится жертвой изощренных интриг, затеянных вражескими лазутчиками, и попадает вместе с отступающими французскими войсками в Париж. Рядом с ней, беременной и несчастной, всегда оказывается какой-нибудь мужчина, готовый оказать покровительство золотоволосой русской красавице, но Ангелина не может забыть отца своей дочери — того самого дерзкого гусара... Книга ранее выходила под названиями «Бог войны и любви» и «Роковая дама трепф»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187266-3

© Арсеньева Е. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Арсеньева

Поцелуй фортуны

Кто, кроме сердца, даст любви закон?..

С. Глинка

В коллаже на обложке и внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © Lislal, Olga Korneeva / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Арсеньева Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая Дорога страданий

Глава 1 Цена ужина в сосновой роще

...Минуло более месяца. На дворе стоял октябрь, и угрожающий призрак бесконечной русской зимы уже не таился за низкими серыми тучами, а сделался явью. Утренники были на редкость холодные; несколько раз выпадал снег, который уже и не таял, однообразным белым покрывалом сровняв и ухабы, и берега неширокой речонки; укрыл туши околевших лошадей, и замерзшие трупы, и проселочную дорогу, по которой медленно тянулась длинная колонна; и сторонний наблюдатель мог бы подумать, что сошел с ума или оказался на дороге в чистилище, ибо путники эти напоминали призраков всех времен, народов и сословий – призраков, вообразимых лишь отягощенным тяжким бредом разумом. Рядом с шелковыми кокетливыми шубами, отороченными дорогими русскими мехами (причем в шубы облачены были отнюдь не женщины, а мужчины), брели пехотные шинели или кавалерийские плащи. Головы путников были плотно укутаны и обмотаны платками всех цветов – оставалась лишь щелочка для глаз. Тут и там мелькало самое распространенное одеяние: шерстяная попона с отверстием посередине для головы, ниспадавшая складками к ногам. И как прежде по блестящему, щегольскому мундиру, так теперь – по этим попонам можно было отличить кавалеристов, ибо каждый из них, теряя лошадь, сохранял попону; эти лохмотья были изорваны, перепачканы, прожжены – одним словом, омерзительны. И все же тот, у кого попоны не было, не задумываясь отдал бы место в раю, лишь бы заполучить ее сейчас, на земле: теплая одежда стала едва ли не главным мерилом ценностей в том людском скопище, что еще недавно называлось великой и непобедимой французской армией. Теперь уже в этой армии не сохранилось ни достоинств, ни наград, ни чинов, ни званий. Невозможно было различить генералов и офицеров; как и солдаты, они надели на себя что под руку попадалось. Зачастую генерал был покрыт ветхим одеялом, а солдат – некогда дорогими, а теперь изрядно облезлыми мехами. Их всех – командиров и рядовых – перемолола Россия.

Вялое продвижение тех, кто составлял некогда гордость Франции, было внезапно нарушено взрывом, разметавшим по белому снегу кровавые клочья.

Толпа заметалась. Пешие кинулись врассыпную. Всадники во весь опор понеслись к близлежащей сосновой роще, надеясь там найти спасение от ядер и картечи, ибо это был не случайный взрыв, а беспощадный обстрел.

Молодой драгун, давно растерявший и остатки бывшего блеска, и все свои честолюбивые мечты, но сумевший сберечь коня, а вместе с ним – и надежду на спасение, сейчас изо всех сил пытался усмирить обезумевшее от страха животное. Гнедой плясал под ним, крутился как угорелый, норовя не вынести с опасного места, а, словно нарочно, затащить туда, где кучно ложились ядра. Едва справившись с конем, драгун дал ему шпоры, силясь разглядеть просветы в окружавшем его облаке дыма и снежной пыли, и вдруг почувствовал, как кто-то вцепился в его ногу мертвой хваткой.

Оливье де ла Фонтейн (так звали молодого драгуна) уже готов был освободить себя ударом сабли от этого опасного объятия, как вдруг увидел молодого человека, одетого в лохмотья, жалкие даже по сравнению с тем тряпьем, кое составляло теперь армейское обмундирование. Волочась на коленях за всадником и устремив на него свои горящие глаза, он восклицал:

– Убейте меня, убейте меня, ради Бога!

В этом аду, где каждый молил хотя бы о самом ничтожном глотке жизни, такая просьба буквально вышибала из седла, а потому Оливье де ла Фонтейн спешился и, держа коня за удила (немало нашлось бы сейчас желающих перерезать узду и увести у него коня из самых рук), нагнулся к незнакомцу. Тот дышал и был полумертв. Даже у видавшего виды Оливье подкатила к горлу тошнота, когда он увидел бок несчастного, взрезанный, будто острой косой, осколком ядра до самого позвоночника. . . . Позвоночник тоже был искалечен, и даже если свершилось бы чудо, исцелившее разорванные внутренности, этот человек больше никогда не смог бы ходить. Уже сейчас его страдания представлялись невообразимыми. Да, смерть настигнет его, несомненно, однако предстоящие ему мучения будут ужасны!

Оливье де ла Фонтейн проклял себя за то, что поддался мгновенному порыву жалости. Внутренне содрогаясь при мысли о том, что ждало этого беднягу, он вновь вскочил на коня, лихо, с напускной отчужденностью, пробормотав:

– Я не могу помочь вам, мой храбрый товарищ, и не могу больше оставаться здесь! Простите меня.

– Но вы можете убить меня! – исторг из себя раненый не то крик, не то шепот. – Единственная милость, которой я прошу от вас! Ради Бога, ради вашей матери! Ради . . . моей матери!

Он сделал слабое движение головой, и Оливье только сейчас увидел двух женщин, стоявших на коленях в снегу и с мольбой простиравших руки к нему, будто к последней надежде. Точнее говоря, простирала руки одна – немолодая, схожая с умирающим тем сходством, какое бывает только у матери и сына. Ее глаза, столь же яркие, столь же выразительные, были наполнены слезами, которые неостановимо скатывались на увядшие щеки. Ее руки, протянутые к Оливье, дрожали, а губы безостановочно твердили одно:

– О сударь! Сударь. . .

Вторая женщина сидела в снегу, понурясь, однако не плакала, словно окаменела от скорби. Из-под ее капора выбивались золотисто-рыжие пряди, и Оливье невольно подобрался в седле, когда по нему скользнули самые прекрасные синие глаза, какие ему только доводилось видеть. Впрочем, молодая женщина едва ли заметила Оливье – она устремила безучастный взор куда-то вдаль, туда, где корчился придавленный деревом солдат, испускавший душераздирающие вопли. Но лицо ее по-прежнему оставалось безучастным, как если бы в мире не осталось ничего более, что могло бы ее взволновать или напугать.

Мысленно попросив прощения у Бога, Оливье выхватил один из своих пистолетов (он всегда держал оружие заряженным, ибо казаки Платова¹ не имели обыкновения предупреждать о своем появлении заранее) и рукоятку вперед подал его несчастному.

Немолодая женщина дико вскрикнула:

– Фабьен! О Фабьен!..

Больше она ничего не успела сказать, ибо черные глаза юноши сверкнули дикой радостью, и он пустил себе пулю в висок с проворством поистине замечательным у человека штатского, каким он, несомненно, являлся, судя по одежде и повадкам.

В это мгновение ядро ударило в землю совсем рядом, и конь Оливье, сделав безумный прыжок, унес своего хозяина на изрядное расстояние от страшного места.

Оливье не хотел оборачиваться, но все-таки обернулся.

Несчастный лежал навзничь, тут же простерлась его мать. Оба были присыпаны снегом и вывороченной землей, как будто похоронены рядом. А молодая женщина все так же сидела в

---

¹ Граф Матвей Иванович Платов – атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 года. Здесь и далее примечания автора.

сугробе, безучастно глядя вдаль, в этот заснеженный российский простор, в котором теряется все: и города, и люди, и русские, и французы, и смерть, и жизнь...

«Как поется в песне, все со временем проходит!» – успел еще подумать Оливье де ла Фонтейн, и веер нового взрыва милосердно закрыл от него эту картину.

* * *

Маман отчаянно рыдала, уткнувшись в мертвое тело, а Анжель по-прежнему смотрела вдаль. Боже мой, вот и нет Фабьена... а как же его любовь, которая, как он клялся, будет жить вечно? Ах, и она умерла давно, давно: замерзла где-нибудь под копной, где они ночевали, или в крестьянской курной избе, или в сарае. Анжель не любила мужа, и сейчас вместо скорби она чувствовала облегчение, как будто судьба сняла с нее ношу, которая была ей не по плечу. Умом она понимала, что вечно должна быть благодарна мужу и его маман, спасшим ее от толпы разъяренных русских; и вообще Фабьен был хороший, добрый человек, но Анжель понимала, что для любви-власти он оказался слаб, что эта любовь уничтожила в нем все доброе и светлое, превратила его в тирана, всякое движение, всякое действие которого было направлено к одному: утвердить над Анжель свою волю – словами, постелью, даже побоями. Фабьен не выносил, когда она вдруг погружалась в свою отрешенную задумчивость, и, если надо было отхлестать жену по щекам, чтобы привести ее в себя, он пускал в ход руки без раздумий – с молчаливого благословения маман, чьи черные глаза сияли еще ярче, когда она видела страдания Анжель.

Но почему, за что? Иногда Анжель думала, что, наверное, чем-то крепко досадила этим двоим – иначе с чего бы им так сладострастно мстить ей? Может быть, она долго мучила Фабьена отказами, прежде чем согласилась выйти за него, или противоречила свекрови, или, сохрани Бог, изменяла мужу? Она иногда, не выдержав издевок и побоев, спрашивала в слезах:

– Почему? Почему?

Но Фабьен не отвечал, хотя мог бы сказать что угодно – Анжель все приняла бы на веру: ведь все ее знания о прошлом исчерпывались рассказами Фабьена и его маман. Сама она помнила себя лишь месяц... ну, от силы полтора поскольку все, происходившее с ней от рождения до того дня, как она обнаружила себя устало бредущей в глухой степи под туманным октябрьским небосклоном, кануло в некую черную бездну. Анжель иногда казалось, что она и живет-то на земле всего-то несколько недель, а не двадцать один год, как уверяли муж и его маман.

Судя по рассказам обоих д'Армонти, они были французы, некогда нашедшие в России приют от ужасов революции², но не утратившие связи с родиной и всегда мечтавшие вернуться туда. Однако злые, жестокие русские чинили им в том всяческие препятствия и однажды даже похитили Анжель, изнасиловав ее. После этого она и лишилась памяти. Их жизнь подвергалась опасности, поэтому они ночью, под покровом темноты, бежали в чем были из города, где жили (один раз Анжель сказали его название, да разве возможно было запомнить этот варварский набор звуков?!), и долго скитались, пока не добрались до французской армии, расквартированной в русской столице. Однако бог войны оказался к ним немилостив: Москва сгорела, удача перешла на сторону врага, армия-победительница спешно отступала, вернее, бежала... и графиня д'Армонти с сыном и снохою пополнили ряды французских беженцев, рискнувших погрузиться в бесконечные российские просторы, чтобы отыскать путь во Францию – или умереть.

Сначала для Анжель это было дико: полная тьма позади, непроницаемая мгла впереди, а настоящее страшно и неопределенно. Она плакала, металась, пытаясь обрести себя, пытаясь

---

² Имеется в виду Великая французская революция 1789–1799 гг.

понять, почему так холодно и одиноко сердцу возле двух этих самых близких для нее людей, но на этот вопрос они ответить не могли, хотя на всякий другой ответ был готов без задержки.

– Почему я так плохо говорю на родном языке, что поначалу попутчики даже с трудом меня понимали? – удивлялась Анжель, и ей поясняли, что родители Анжель, причинившие множество бед графине д'Армонти, давно умерли (это был ответ на второй ее вопрос: неужели она была одна на всем свете, пока не вышла за Фабьена?), а ее взяла на воспитание русская семья; люди невежественные, не заботившиеся о воспитании Анжель, они были рады сбыть ее, бесприданницу, с рук, когда к ней посватался Фабьен.

– Почему именно я сделалась жертвою неистовой злобы русских? – недоумевала Анжель, и маман, брезгливо поджимая губы, уведомяла, что Анжель еще в девичестве весьма несдержанно вела себя с неким русским вертопрахом, существом настолько диким и необузданным, что даже собственная мать выгнала его из дому. И вот этот разбойник соблазнил Анжель, а потом отказался жениться, возомнив, что она и без того всегда будет с радостью удовлетворять его самые низменные потребности. После того как великий Наполеон (при звуке этого имени на глаза маман набегали слезы восторга) покорила Россию, развратник отправился в армию, а воротясь, нашел Анжель замужем – и поклялся осквернить ее и отомстить всему семейству д'Армонти, что ему вполне удалось сделать!

– Смог ли Фабьен отомстить негодяю, поругавшему честь своей жены? – гневно воскликнула тогда Анжель, но тут же поняла, что вот этот-то вопрос задавать не следовало, так помрачнело лицо Фабьена, так разъярилась маман, таким количеством упреков осыпала она Анжель.

Выходило, что она еще не расплатилась перед свекровью за обиды родительские, что она всю жизнь своей до смерти должна выказывать благодарность мужу, который женился на ней, согрешившей; она навлекла на них на всех неисчислимы бедствия – и за такую-то неблагодарную девку Фабьен еще должен был и мстить, подвергая свою жизнь опасности?

А тот чудовищный русский... он иногда мелькал в сновидениях Анжель: широкие плечи, стремительная походка, растрепанные светло-русые волосы. Но она так и не видела его лица, и только иногда проблескивала улыбка и сияли серые глаза... ласковые, ох, какие ласковые глаза!

Возможно, он был не таким уж чудовищным?.. Но зачем бы Фабьен и маман стали лгать Анжель? Она должна верить им! А снам верить нельзя. Вот ведь иногда мучает Анжель кошмарное видение: человек с отрубленной головой (вместо нее фонтаном кровь бьет из шеи) делает три деревянных шага – и выходит из глубокой тьмы на яркий, слепяще-яркий лунный свет, и воздевает руки, словно зовет кого-то на помощь, и рушится наземь – так тяжело, что в ушах Анжель гудит еще долго после того, как она просыпается от своего крика...

Но это было давно, еще в самом начале пути. Тогда Анжель боялась мертвых, да и не так уж много их валялось при дорогах; ну а потом, по мере того как свирепела зима и смелели русские казаки, их становилось все больше, и Анжель привыкла к торчащим из сугробов оледенелым конечностям. Путь становился все тяжелее, все холоднее, ночи напролет они пытались согреться, вся жизнь сделалась сплошным неизбывным кошмаром, и явь превосходила ужасом любой самый страшный сон! Тот обезглавленный больше не возникал в ее сновидениях. Анжель привыкла видеть кровь, раненых и умирающих; сердце ее застыло; замерзшая, оголодавшая плоть устала страдать; жизнь едва теплилась в ней... потому она и смотрела неподвижными глазами в заснеженную даль, словно и не слышала за грохотом пушечных выстрелов того одиночного пистолетного, прервавшего жизнь графа Фабьена д'Армонти и сделавшего ее вдовой.

* * *

Графиня наконец подняла косматую голову и, тяжело поднявшись, побрела вперед, даже не глянув на мертвого сына. Анжель с изумлением уставилась на нее, но сама помедлила лишь

столько, сколько времени ей потребовалось, чтобы прикрыть тело Фабьена тремя траурно-зелеными сосновыми лапами, усеянными мелкими розовыми шишечками, а потом, увязая в сугробах и едва выбираясь из них, пустилась догонять маман, недоумевая, куда это она вдруг заспешила. Впрочем, алое закатное солнце уже почти сползло в синие мглистые тучи, так что самая пора была подумать о ночлеге.

Хотелось есть. Ах, как ей хотелось есть! Голодный озноб непрестанно сотрясал ее тело, и она дивилась графине, которая даже из своей скудной доли половину отдавала Фабьену. Анжель завидовала ему – не только из-за лишней ложки несоленой каши, ломтя мерзлого хлеба, куска плохо вываренной конины, а из-за той истинной, нескрываемой, всепоглощающей любви, которой мать любила своего сына.

Ее-то, Анжель, так никто не любил... во всяком случае, во времена, доступные ее воспоминаниям. Сама графиня страшно похудела, кожа на ее иссохшем, изможденном лице обвисла, но она не спускала своих огромных, сверкающих глаз с сына, и выражение всепоглощающей преданности, светившееся в них, заставляло забыть о необратимых разрушениях, которые страдания причинили этому некогда красивому лицу. Что же сделалось с нею от страшного потрясения, если, даже не закрыв мертвому сыну глаза, она ринулась на запах дыма – костра, еды?!

Да еще и неизвестно, пустят ли ее к огню. Все-таки Фабьен чего-то стоил, если мог сносно устраивать на ночлег обеих своих женщин и раздобывать им какой-никакой кусок у мародеров...

Кстати сказать, те, кого в обычных условиях все жестоко презирали бы, снабжали колонну продовольствием и, по сути дела, спасали остатки армии. Несмотря на усталость и опасности, которым подвергались люди, сворачивая с дороги, голод все же толкал немногих отчаявшихся нападать на деревни, лежащие в восьми-десяти верстах от дороги и еще не разграбленные, не сожженные при наступлении к Москве. Иные бывали схвачены отрядами казаков или партизан из крестьян и находили немедленную смерть; иные все же ухитрялись вернуться с лошадьми, отобранными у жителей и нагруженными свининой и ржаной мукой, перемешанной с отрубями; все это они продавали за большие деньги, а на следующий день опять отправлялись за добычей.

Чем ближе они подходили к костру, тем резче становился запах жареной конины. Восхитительный запах! Анжель скрутило приступом голодной тошноты, и она едва не зарыдала, когда здоровенный кавалерист лениво поднялся и так шуганул от костра графиню д'Армонти, словно это была не измученная женщина, а приبلудная собачонка. Графиня проворно, боком, отскочила, остановилась, чуть склонив голову, и Анжель почудилось, что она и впрямь сейчас зальется визгливым лаем. Но маман проглотила обиду молча и побрела к другому костру; Анжель, еле передвигая ноги, потащилась за графинею, однако той пришлось восвояси убраться от второго, третьего, четвертого костра...

Ну что ж, бывало и такое. Теперь следовало только подождать, когда у маман кончится терпение и она решится залезть за пазуху, где был пришит объемистый кошель с золотыми монетами и драгоценностями: этот немалый запас, который маман расходовала крайне бережно, ибо не хотела явиться во Францию нищенкой, и позволил им до сих пор не умереть с голоду.

Вот графиня приблизилась к новому костру. Анжель не могла разглядеть, заплатила она за место у огня или ей просто попались более милосердные люди, но она видела, как один из сидевших у огня взял горящую ветку и близко поднес к лицу графини. Маман замахала руками, словно отметая какие-то подозрения, а потом повернулась в сторону Анжель, и та даже сквозь тьму, даже на расстоянии почувствовала на себе внимательные взгляды сидевших у костра мужчин.

– Иди сюда, Анжель! – неприветливо крикнула графиня. – Да побыстрее, если хочешь, чтобы нам достался хоть кусочек!

При упоминании о еде ноги Анжель сами собой понесли ее к костру. Стоило подойти, как очень высокий, плотный мужчина приблизил к ее лицу факел, но Анжель даже не почувствовала опаляющего дыхания огня, ибо во все глаза смотрела в котелок, где булькало и пузырилось густое белое варево. Это была мука, без соли и жира, просто сваренная в воде. Эту размазную ели горячей, когда не удавалось раздобыть хлеба, да и просто чтобы согреться. Вкус ее не назвал бы приятным даже умирающий с голоду (а здесь все были такими!), и все же Анжель сейчас не отказалась бы от нескольких ложек мучной похлебки.

Ее усадили поближе к огню, сунули в руки ложку и дали еще кусочек снаружи обгорелого, а внутри полусырого мяса. Анжель с ожесточением жевала его – вернее, терзала зубами – и в конце концов почувствовала себя почти сытой.

Мужчины еще ели, и только графиня о чем-то переговаривалась с тем высоким, плотным человеком, который освещал их факелом. Маман на чем-то настаивала, а он пожимал плечами, покачивал головой, и Анжель сквозь свое полусонное, полусытое оцепенение улавливала обрывки фраз.

– Это непомерная цена! – горячилась графиня. – Ужин-то был не ахти какой!

– То-то вас, мадам, невозможно было за уши от него оттащить! – усмехнулся мужчина.

От звука его голоса дрожь неизъяснимого ужаса пробежала по спине Анжель. Голос был груб, неприятен, но сейчас не хотелось думать о неприятном, поэтому она уставилась в костер, куда только что подбросили охапку сосновых веток – и костер принялся весело стрелять по сторонам жаркими искрами, трепетать языками пламени. Игра огня гипнотизировала Анжель, дурманила ее; глаза сами собой закрывались. Вот мелькнули перед нею чьи-то ласковые серые глаза – Анжель улыбнулась, вот проплыло в клубах тумана мертвое, присыпанное снегом лицо Фабьена – Анжель затрепетала, застонала во сне...

– По рукам! – вдруг громко произнес мужчина, и Анжель испуганно вскинулась. – Ты будешь получать еду каждый день, если сумеешь меня найти!

И, гробовым смехом заглушив возражения графини, он вскочил и ринулся куда-то в сторону, волоча за собою Анжель.

Ужас от того, что предстояло уйти от этого живого огня, был настолько силен, что Анжель начала упираться – слабо, но достаточно ощутимо, чтобы мужчина повернулся и глянул на нее.

Его недобрая улыбка заставила ее затрепетать, она отшатнулась от придвинувшегося к ней чумазого лица, черты которого показались ей ужасными, а взгляд маленьких темных глаз – злобен, как у зверя.

Анжель отпрянула, решив, что он сейчас ударит ее, но мужчина усмехнулся:

– А ведь ты права, клянусь ключами святого Петра! Почему нам нужно уходить с этого тепленького местечка? В конце концов, это я развел огонь – значит, и костер мой!

И он с грозным видом повернулся к трем своим сотоварищам, с откровенной завистью глядевшим на Анжель.

– Ну? Чего уставились? Зря смотрите, вам ничего не перепадет.

– Ну вот, я так и знал! Московский купец! – простонал один из них и едва успел в испуге отпрянуть, когда огромный кулак придвинулся к его лицу.

– Только посмей еще раз назвать меня так, *merde*!³

– Это несправедливо, Лелуп! Все-таки мы все хотим того же! – обиженно воскликнул другой солдат, не сводя с Анжель жадного взгляда.

---

³ Дерьмо (франц.).

– Что? Ты еще не забыл слов *egalité, fraternité, liberté*⁴, под которые так и летели наземь головы аристократов? – хохотнул Лелуп⁵.

«Волк! Его имя – волк!» – содрогнулась Анжель.

– Но мы ведь не на баррикадах сейчас, – продолжал Лелуп. – Убирайтесь от костра, живо. Разведите свой. А чтобы высечь искру, возьмите с собою эту старуху. – Он с усмешкой глянул в сторону графини.

Черные глаза свекрови сверкнули так яростно, что Анжель на миг почувствовала себя отмщенной. В то же мгновение обрадованные солдаты схватили графиню за руки и за ноги и утащили куда-то в темноту.

Между тем Лелуп развязал свой тюк и бросил на сосновые ветки два или три плаща, попоны, одеяла, а потом схватил Анжель и швырнул на это ложе с такой бесцеремонностью, словно она тоже была подстилкой – всего лишь еще одной подстилкой, нужной только для того, чтобы мягче спалось.

В следующее мгновение мужчина рухнул на Анжель, задрал ей юбки. Ощувив его близость, ошеломленная Анжель выкрикнула имя – она не знала, чье это имя, но в нем странным образом воплотилось все самое ужасное и постыдное в ее жизни... в той, прошлой, забытой жизни.

– Моршан! – закричала она.

И тотчас поперхнулась криком, ибо тяжелая рука легла ей на горло.

– Забудь о нем. Скажи: Лелуп... ну!

Рука надавила сильнее, и Анжель, задыхаясь, прохрипела:

– Ле-лу-уп...

– Вот так, – удовлетворенно выдохнул он.

Анжель захлебнулась криком, слезы лились неостановимо... На ее счастье, изголодавшийся по женщине Лелуп насытился удивительно быстро. Он скатился с Анжель, продолжая, однако, крепко держать ее.

– Только посмей шевельнуться, – услышала она, уже засыпая. – Твоя мать продала мне тебя за сегодняшний ужин. Ничего, держись за меня – может быть, останешься жива!

И захрапел, не ослабляя своей железной хватки.

Анжель с безмолвной мольбой глядела в мутное беззвездное небо, силясь понять одно, всегдашне-непостижимое: почему графиня так ненавидит ее, что сразу после смерти сына швырнула этому грубому, отвратительному человеку? Да разве можно такое терпеть? Куда же смотрел в это время Бог, что попустил, не остановил?..

Все было ужасно... но хуже всего казалось Анжель постепенно овладевшее ею трезвое, холодное понимание: придется привыкнуть и к этому, как привыкаешь ко всему на свете.

---

⁴ Равенство, братство, свобода (*франц.*) – лозунги Великой французской революции.

⁵ Волк (*франц.*).

Глава 2

Русские амазонки

Однако Анжель ошибалась. Через день она знала, что возненавидела Лелупа. Еще через день она продала бы дьяволу душу, лишь бы избавиться от него. На третий день она готова была умереть.

Конечно, если судить по логике войны – вернее, отступления, бегства, спасения жизни, – если следовать этой нечеловеческой, противоестественной логике, то Анжель следовало бы благодарить судьбу и свою бывшую свекровь, ибо теперь она была сыта каждый день, а каждую ночь проводила у жаркого костра. И все-таки в те бесконечные, омерзительно долгие минуты, пока Лелуп безжалостно, грубо, бездушно овладевал ею, она с трудом сдерживала позывы рвоты и молила Бога послать ей смерть.

Нрав, поступки, лицо, фигура, голос – все в нем было гнусно и отвратительно.

Более того: отвратителен был Лелуп и своим сотоварищам, даже тем, с кем вместе отправлялся мародерствовать или обирал трупы замерзших солдат. Везде его встречали презрительной кличкой «московский купец», потому что он увел с собой из Москвы маленький фургончик, куда успел запасти галет, мешок муки, более трехсот бутылок вина, рома и водки, десять фунтов чаю и столько же кофе, под сто фунтов сахару и шоколаду, большой запас свечей... Весь этот запас должен был в продолжение нескольких месяцев питать тело Лелупа, а также давать ему возможность успешно торговать.

Кроме всего, он раздобыл себе множество русских мехов, да вот незадача – через несколько дней отступления русский снаряд уничтожил «склад» Лелупа, и теперь весь его припас умещался в двух выючных мешках; однако в условиях отступления и это было настоящее сокровище, позволявшее ему диктовать свои законы на привалах и даже время от времени покупать себе женщин – за кусок хлеба, за возможность просто согреться у костра. Анжель случайно узнала, что была четвертой в этом походном гареме, однако все ее предшественницы умерли, не снеся то ли тягот пути, то ли грубости Лелупа, то ли его неизбывной ненависти ко всему миру, сквозившей в каждом его движении, слове, поступке. Анжель чувствовала, что вся гнусность натуры Лелупа ею еще не познана, что самое страшное еще впереди... Так оно и произошло.

* * *

День с утра до полудня был ясный и даже теплый, однако истинный лик русской зимы проглядывался временами из-за набегавших туч, и достаточно было одного сильного порыва ветра, чтобы он явил себя. Внезапно разыгрался буран. Вихри снежные метались по нивам и лугам, качая вершины деревьев, да так, что столетние великаны стонали человеческими головами, а их ветки с треском обламывались и опадали в снег. Анжель не могла вспомнить такого волнения природы! Крутятся и бушуют, метель охватывала леса и дубравы, оглашая их гулом грозным и страшным, в котором слышалось победительное торжество.

Многие сходили с дороги (вскоре отыскать ее сделалось невозможно!), ложились прямо в сугробы, наметенные под деревьями, закутавшись с головою в плащи и шубы, надеясь переждать русский буран, как некогда переживали аравийские песчаные бури, оказавшись в Египте под предводительством Наполеона. Таким уже не суждено было подняться! Самые упрямые и сильные брели по сугробам, силясь разглядеть за жгучей снеговой завесой хоть подобие человеческого жилья. И вершиною счастья было бы сейчас увидеть блокгауз.

Так как при победоносном наполеоновском марше на всем протяжении от Вильны до Москвы не было пощажено ни одного города, ни села, ни лачужки, то для обеспечения тыла и сообщения армии через каждые двадцать-тридцать верст были устроены этапы: на квадратной площади, огороженной рвом и забором, возводились бараки, то есть блокгаузы. Такой-то блокгауз и высматривал сейчас с надеждою всякий глаз, но увы – в снежной круговерти ничего не разглядеть.

Бредущая среди небольшой (человек пять) группки сотоварищей и прихлебателей Лелупа, Анжель все чаще чувствовала под ногами не утоптаный твердый зимник, а мягкие, рыхлые сугробы. Понимала, что они сбились с дороги, да и другие не могли не замечать этого, однако все послушно брели за Лелупом, который, ведя в поводу навьюченного коня, все круче забирал вправо, в дремучую чащобу, в бурелом, словно вознамерился непременно переломать ноги и себе, и всем своим спутникам... и вдруг, словно по волшебству, из метели выступили темные бревенчатые стены, иссеченные снегом, и все наконец увидели то, что давно уже увидели звериные глаза Лелупа, а может быть, почувял его звериный нюх: убежище!

Однако это был не блокгауз. Убежище оказалось русской церквушкой, каких немало пожгли эти люди – ну а если не пожгли огнем, то беспощадно осквернили.

Впрочем, какое все это имело значение для скитальцев, которым сейчас нужно было только одно – укрыться от непогоды?

– Allons, enfants de la patrie!⁶ – с издевкой в голосе пропел Лелуп и первым вошел в широкие двери, створки которых едва висели на одной петле.

Страх, усталости, печали – как не бывало! Все с наслаждением отряхивали с одежды снег, раскладывали для просушки вещи и уже тащили для растопки доски с намалеванными на них ликами русских святых.

Анжель нервно перебирала пальцами шаль. Она знала, что эти доски называются иконы, что русские поклоняются им, и испытывала какое-то странное, тревожное сердцебиение, когда смотрела на них. Она знала: эти диковинные доски нельзя жечь! Русскому Богу, который еще властен в этих стенах, это вряд ли придется по сердцу!

Впрочем, Богу тут уже не оставалось места. Следы на полу и на стенах, общая картина человеческой мерзопакостности ясно указывала, что здесь ставили лошадей, забивали птицу и скотину, извергали нечистоты... Казалось, нельзя найти не загаженного уголка, и Анжель с тоской в глазах бродила по церквушке, ощущая страшную тяжесть на сердце и мысленно прося у кого-то прощения.

Вдруг на закопченной стене, словно дружеский взор, мелькнуло светлое пятно. Анжель приблизилась и увидела косо прибитую иконку с изображением молодой женщины в серебристо-белом одеянии с младенцем на руках. Темные очи женщины были печальны, глаза ребенка не по-детски мудры и суровы, и Анжель вдруг безотчетно подалась вперед, прижалась губами к ручке младенца и, только отстранившись и осенив себя троекратным крестом, удивилась своему поступку. Вдобавок крестилась она справа налево, а пальцы ее руки были сложены щепотью, но отнюдь не в два перста, как крестились французы. Верно, это память о русском воспитании, подумала Анжель и, поклонившись иконе, опасливо оглянулась и неприметно прикрыла ее грязным лоскутом, валявшимся на полу. Ей хотелось сейчас во что бы то ни стало спасти от огня светлый лик русской Богоматери. Страстно хотелось взять ее с собою, но Анжель не решилась: тогда бы она уподобилась этим скотам, с которыми вынуждена идти... Нет, Бог даст, останется икона не замеченной никем и будет здесь висеть в покое и тишине до лучших времен!

Чтобы не привлекать внимания к этому месту, Анжель прошла вперед вдоль стены. Какой-то узор был вырезан прямо на дереве. Анжель не вдруг распознала, что это буквы, и с изумившей ее самой легкостью вдруг прочла: «Приидите ко мне... и аз успокою вы...» Да,

---

⁶ Первая строчка «Марсельезы», гимна французской революции: «Вперед, сыны Отчизны!» (*франц.*)

верно, это тоже гудит забытая память, если слова чужого языка понятны Анжель, но эти слова понял бы сердцем кто угодно, человек любой нации! Анжель простерла руки к надписи, будто к огню в стужу, умоляя неведомого Всевышнего, коему поклоняются русские, простить ее за все, что содеяно на этой земле, в этой стране, в храме сем...

– Mon Dieu, – прошептала она и добавила непослушными губами: – Гос-по-ди!..

Короткий вздох прервал ее мольбу. Казалось, кто-то перевел дыхание, и Анжель, встре-пенувшись, успела увидеть, как темная фигура проворно отпрянула в тень, слилась со стеной, сделалась неразличимой, однако и из тьмы достигал лица Анжель жгучий взор незнакомца. Она не сдержала короткого вскрика, но тут же, спохватившись, зажала рот ладонью. Поздно – Лелуп уже оказался рядом.

Он видел в темноте, подобно дикому зверю, и ринулся вперед, в непроницаемую тьму. Послышались звуки потасовки, набежали на шум другие французы, и Лелуп вскоре появился в свете костра, утирая окровавленные губы и чудовищно ругаясь, а за ним его сотоварищи волокли какую-то высокую фигуру в черной рясе. От нее остались сплошные лохмотья, сквозь которые проглядывало поджарое, мускулистое тело. Однако, не замечая своей полунаготы, монах старательно прикрывал капюшоном лицо.

– А ну, чего прячешься? Покажи-ка свою рожу! – рявкнул Лелуп, однако Туше схватил его за руку:

– Черт с ним! Может, у него обет скрывать лицо? Помните, в Испании мы сожгли монастырь, в котором все монахи дали обет молчания на всю жизнь? Даже друг с другом не разговаривали, объяснялись знаками. Ну уж и орала они, когда горела их обитель!

– Ты предлагаешь его сжечь? – усмехнулся Лелуп, и Анжель передернуло.

– Нет, – вкрадчиво протянул Туше. – Я предлагаю взглянуть на его крест. Я знавал в Москве двух-трех русских толстобрюхих священников, у которых кресты были украшены очень и очень недурными камешками.

– Видать, религия – твой конек. Надо полагать, ты не замедлил забрать эти кресты? – Лелуп проворно обшарил рваную рясу, но не нашел ничего, кроме простенького, потемневшего от времени серебряного крестика, который отшвырнул с величайшим презрением, но Анжель успела заметить, что монах торопливо прижал крест к губам, прежде чем снова надеть на себя.

– Осечка! – хмыкнул Лелуп. – Ну-ка, Туше, напряги мозги, что ты еще знаешь о монахах? Туше всей пятерней поскреб грязную, засаленную голову.

– Ну что тебе сказать? – произнес он раздумчиво. – Помнится, одному священнику мы спалили слишком густую бороду, чтобы лучше расслышать, где он прятал церковные сокровища.

Глаза Лелупа сверкнули.

– А вот мне кажется, что этому придурку мешает говорить капюшон на его башке. Что, если снять с него рясу, но, чтобы рук не пачкать, зажечь эту дерюгу?

Анжель тихо ахнула, и быстрый, как молния, взгляд из-под капюшона пронзил ее. Сердце забило в горле, да так, что она с трудом могла дышать, с трудом разомкнула губы, чтобы вымолвить:

– У-мо-ляю вас...

Сабля вывалилась из рук Лелупа, и он обернулся к Анжель с выражением величайшего изумления на своем заросшем кабаньем лице.

– Что я слышу?! Ты наконец-то разинула рот, девка?

– Да брось ты, Лелуп! – захохотал Туше, и к нему присоединились остальные французы. – Не далее вчерашнего вечера я слышал, как твоя мадемуазель орала во всю мочь, – вот только не понял, от радости или от страха.

– А мне что за дело ее радость? Быть с ней – все равно что в сугробе лежать, так эта сучка холодна. Ну, конечно, я помял ей бока, чтобы хоть ноги раздвинула пошире!

Анжель на мгновение зажмурилась. Почему-то ей было невыносимо стыдно перед монахом. Его взгляд жег ее как огонь, хотя она даже не могла увидеть его лица.

А в глазах Туше блеснула робкая надежда.

– Если она тебе уже надоела, я бы не прочь попробовать свои силы... авось у нее будет что вспомнить!

– Да и на меня дамы никогда не обижались, – подал голос Толстый Жан, а ему вторили еще трое.

Анжель поднесла руку ко лбу, силясь вспомнить что-то. А ведь нечто подобное уже случилось с ней... неприкрытая похоть в глазах мужчин, насмешки – и полная безысходность, полная беспомощность!

Голос Лелупа вернул ее к действительности.

– Ты, кажется, упоминал о крестах с красивыми камушками? – спросил он с самым безразличным видом.

Однако Туше не обмануло это напускное равнодушие.

– Ну ты хватил, Лелуп! Не высока ли цена за девку? Мне ведь она нужна только на разок!

– Покажи крест! – не терпящим возражений тоном сказал Лелуп, и Туше, мученически закатив глаза, принялся шарить под одеждой, с трудом продираясь сквозь надетые на него женские шубы и салопы.

Наконец что-то блеснуло в его грязной руке, и этот блеск словно высек искру в прищуренных глазах Лелупа.

– Ты отдашь мне крест, – изрек он таким голосом, что бедный Туше поперхнулся. – Но девку возьмешь не один раз, а... сколько тут камешков, пять? Ну вот, пять раз. Ладно уж, шестой – за сам крест.

– Но крест-то с капелькой наверху! – начал торговаться заметно повеселевший Туше. – Семь раз.

– Черт с тобой, – отмахнулся Лелуп. – От нее не убудет. И еще вот что, Туше. Если тебе удастся растопить этот сугроб, то получишь награду: восьмой раз!

– Думаю, что заработаю и девятый, – с самодовольным видом изрек Туше, но тут вмешался Толстый Жан:

– Как хочешь, но это не по-товарищески, Лелуп! Если бы мы знали, что ты просто хочешь заработать на своей девке, то смогли бы кое-что предложить. Я ведь ушел из Москвы не с пустыми руками... да и другие тоже!

– Разумеется! – поддержали его остальные. – Мы заплатим тебе, Лелуп!

– Теперь для меня ты и свободного вечерка не отыщешь? – Лелуп грубо облапил Анжель. – Между этой толпой и не втиснешься! Впрочем, я еще посмотрю, что вы там предложите. А ну, выворачивайте карманы!

И тотчас же воспламенились французские натуры, способные возбудиться от малейшего намека на блуд. Мужчины, одетые подобно Туше, принялись торопливо рыться в своих шубах-салопах, а Туше по-хозяйски схватил Анжель за руку и потянул к себе.

– Зачем ждать вечера? Пойдем-ка, моя прелесть. Тебе кто-нибудь говорил, какие у тебя чудные глазки? Они давно зажгли огонь в моем сердце. А твои губки... о, как давно я мечтал их поцеловать! Крошка моя, да после этого поцелуя ты забудешь обо всем на свете.

– Крошка?! – захохотал Лелуп. – Да она выше тебя на голову, эта крошка!

Как и все мужчины маленького роста, Туше терпеть не мог подобных замечаний и, непременно решив помериться с Лелупом своим достоинством, спустил штаны. Его примеру последовали и другие.

Анжель с мольбой в глазах глянула в угол, где стоял монах, чая хоть какой-то защиты, хоть слова, которое вразумило бы этих скотов, однако ужаснулась, заметив, что там никого нет. Монах втихомолку скрылся!

Не думая, не рассуждая, она бросилась было к двери, однако, преграждая ей путь, мимо просвистела пуля, едва не задевшая Анжель. Она пронзительно вскрикнула от страха.

Мужчины, стоявшие со спущенными штанами, на миг остолбенели, однако свист пуль не прекращался, так что солдаты вмиг пришли в себя и, кое-как прикрыв срам, бросились к своему оружию, сваленному в кучу.

– Les cosaques! Казаки! – кричали они.

* * *

Казаки! Те самые, над которыми когда-то, при своем наступлении, посмеивались французы, на которых когда-то, не считая их числа, весело ходили в атаку, ныне наводили ужас на всю наполеоновскую армию, и число их при содействии русских крестьян значительно увеличилось. Вот и теперь Лелуп, едва бросив взгляд в узкое окошко, закричал:

– Не казаки, а партизаны!

– Черт ли, дьявол – все одно! – отозвался Туше.

Ружья, как назло, оказались у всех незаряженными, и, пока французы высыпали порох в патроны, закладывали пули и пыжи, шомполом прочно забивали их, вворачивали в затравку пистоны, надевали на них колпачки – словом, пока проделывалась вся эта мучительная процедура, предшествующая выстрелу из ружья, нападающие успели ворваться в церковь.

Анжель смотрела на них как замороженная, однако не испытала страха. Большинство партизан были верхом на маленьких лошадках, в бараньих шубах и черных барашковых шапках. Вооружение их в основном составляли пики или просто кольца с железными остриями на конце. Ружей имелось немного, зато в пистолетах недостатка не было, ибо стрельба со стороны нападавших не прекращалась, и, к тому времени как русские ворвались в церковь, четверо французов были убиты.

Раненый Туше покорно поднял руки; он смотрел на партизан с таким ужасом, словно это были мертвецы, восставшие из могил. Высокий казак походя полоснул по его шее саблей – Туше завалился на бок, захрипел.

Лелуп, которого держали трое, вдруг рванулся с такой силой, что русские посыпались в разные стороны. Француз кинулся к дверям и высадил одну из створок могучим плечом... Русские бросились следом, но один из них, доселе стоявший в стороне, остановил их властным движением руки:

– Да пускай бежит. Далеко не уйдет, сдохнет в сугробе. Мы сюда за другим пришли, забыли?

Анжель вслушивалась в русские слова, с изумлением сообразив, что все понимает. Вот чудеса играет с нею память! Но еще большим потрясением было для нее то, что голос, эти слова произносивший, был женский.

Да эти казаки – женщины! Возможно ли?!

Она недоверчиво оглянулась и похолодела, встретив устремленный на нее взор, столь темный и недобрый, что Анжель ужаснулась. Ни на какое мягкосердечие надеяться не стоит: ведь одна из этих русских амазонок только что мимоходом перерезала горло Туше и вот теперь устремила взгляд убийцы на Анжель.

Русская медленно приближалась. Уже ясно было видно ее точеное лицо с высокими скулами, маленьким круглым и твердым подбородком, крепко стиснутыми яркими губами. Анжель уставилась в это злое и прекрасное лицо, в черные чуть раскосые глаза под сросшимися бровями, придававшими взору молодой женщины особенную, дикую страстность. И вот

чудеса: Анжель почему-то ощутила, что русская ненавидит в ней не просто чужеземку из вражеского племени – русская ненавидела именно ее, Анжель!

– Варвара! Стой! – вырвал ее из оцепенения чей-то крик. – В своем ли ты уме? Да ведь это, наверное, она!

Анжель медленно повела глазами, словно еще не очнулась от некоего зачарованного сна, и увидела высокую и плотную женщину. Под клетчатым платком виднелись гладко причесанные русые с проседью волосы, ресницы бросали тень на смугло-румяные тугие щеки. Округлые брови были осуждающе нахмурены, а взгляд темно-серых глаз сурово устремлен на злую красавицу.

Варвара остановилась, но во всей ее осанке сквозило с трудом сдерживаемое непокорство.

– Да что ты, Марфа Тимофеевна! Да чтоб за такое отребье наш барин столько радел?

Она окинула Анжель долгим, цепким взглядом, и в этом взгляде были не только ненависть, но и нескрываемое презрение. Анжель словно бы увидела себя со стороны: свалывшиеся, нечесанные волосы, одежда столь грязная, столь ужасная, что смахивала на маскарадный костюм. Право же, в ней даже нелегко распознать женщину! Отребье, так, кажется, назвала ее Варвара? Вот уж воистину!

– Да ты не бойся, – властно отстранив с дороги Варвару и мимоходом отобрав у нее саблю, сказала Марфа Тимофеевна пленнице тем неестественно громким голосом, каким взрослые иногда говорят с детьми. – Ты должна пойти с нами. Но не бойся – вреда тебе не будет. Понимаешь?

Анжель робко кивнула.

– Понимает! – обрадовалась Марфа Тимофеевна, оглядываясь на своих подруг, которые столпились вокруг и с жадностью внимали происходившему с такой гордостью, словно Анжель была ее воспитанницей. – Понимает, знать, по-нашему! А говорить умеешь? Говорить? – прокричала она по складам, тыча пальцами себе в рот и с надеждой вглядываясь в напряженное лицо Анжель, которая прикусила губу с досады, что хоть и понимает каждое слово чужой речи, но сама ни звука ее воспроизвести не может.

– Не глухая, да немая! – злорадно усмехнулась Варвара, вновь обжигая пленницу ненавидящим взглядом.

– Никшни! – замахнулась на нее Марфа Тимофеевна даже не сердито, а небрежно, будто на расшалившуюся кошку. – А ты, девонька, пойдем, пойдем со мною! – Она отступила к выходу, маня Анжель раскрытой ладонью, и та, нипочем не желая оставаться в окружении враждебно-молчаливых женщин, под прицелом ненавидящих Варвариних глаз покорно пошла за Марфой Тимофеевной из церкви и на дворе села в розвальни, полные хрустящего, благоуханного сена...

Сани тронулись; от резкого их движения Анжель невольно запрокинулась навзничь, но больше не сделала попытки подняться – так и лежала, безвольно глядя в сырое и серое, но уже бесснежное небо, нависшее над лесом, лежала, не в силах думать ни о чем-то, ни даже беспокоиться о будущем.

Глава 3

Барские забавы

– Ох и закудлатилась ты! Колтун, ну чистый колтун! – в который уже раз с отчаянием воскликнула Марфа Тимофеевна, продираясь гребнем сквозь грязные комья, в которые превратились давно не чесанные волосы Анжель. Даже и смазанные маслом, они были труднопроходимы для частого гребня, и поэтому Марфа Тимофеевна беспрестанно ворчала, а из глаз Анжель неостановимо струились слезы.

Варвара, сидевшая поодаль, с отвращением смотрела на масляное месиво, облепившее голову Анжель, и медленно, старательно расплетала свою толстую – в руку толщиной! – и длинную – до самых подколенок! – косу, которой могла позавидовать любая женщина; но когда черный, цвета воронова крыла, темно-блестящий водопад закрыл ее фигуру, Анжель не ощутила зависти, ибо понимала: Варвара все делает напоказ, явно красуясь. «За что она меня так ненавидит?» – опять удивилась Анжель и грустно усмехнулась: этот вопрос она задает в последнее время слишком часто!

Наконец Марфа Тимофеевна со вздохом облегчения отложила гребень, в котором теперь не хватало нескольких зубьев, и велела Анжель следовать за нею. Тут же поднялась и Варвара, которой, как поняла Анжель, была предназначена роль ее стража, и, хоть у нее не было никакого оружия, только сумасшедший рискнул бы бежать от такого стража: можно было не сомневаться, что и голыми руками эта амазонка справится даже и с мужчиной, не говоря уже об ослабевшей Анжель.

Они все были только в холщовых рубашках (лохмотья Анжель давно уже отправились в печку). Марфа Тимофеевна бестрепетно ступила из холодных сеней босыми ногами прямо на снег, на тропку, ведущую к приземистому бревенчатому строению, над которым поднимался дымок. Анжель в ужасе воззрилась на обледенелую тропку, даже попятилась, но тут Варвара, замыкавшая шествие, так пихнула ее вперед, что Анжель, заскользив, едва не сбила с ног Марфу Тимофеевну. Та оглянулась, мгновенно оценила происходящее и пропустила Анжель вперед, сурово погрозив Варваре маленьким, но увесистым своим кулачком. Та лишь хмыкнула в ответ, но больше не трогала Анжель.

Они прошли еще немного, и вот уже перед ними открылась низенькая дверка, из которой дохнуло обжигающей влагой. Баня!

Прошло немалое время, прежде чем Анжель выплыла из облака душистого пара и осознала, что полулежит на мокрой лавке и все тело у нее горит – избитое, исхлестанное веником, натертое мочалкою, примятое умелыми руками Марфы Тимофеевны; а волосы, аж скрипящие от чистоты, тщательно расчесанные, казались невесомыми. Да и все тело Анжель, чудилось, парит над этой лавкою, вовсе не касаясь ее.

– Жива, девонька? – вернула ее к жизни ласковая усмешка Марфы Тимофеевны, которая поднесла к ее губам деревянный жбан с квасом.

Анжель пила медленно, долгими тягучими глотками. Блаженная усталость клонила ее в сон, однако Марфа Тимофеевна властной рукой заставила подняться.

– Пошли отсюда, не то угоришь. – Она неопределенно pokrutila пальцем над головой, но Анжель и так поняла, что имеется в виду; она понимала все больше русских слов, но произнести по-прежнему не могла ничего, за что Варвара пренебрежительно называла ее немкой, немотой и унималась, лишь когда Марфа Тимофеевна шикала на нее.

Анжель тяжело вздохнула, когда поняла, что Варвара не останется в бане, а тоже пойдет с ними.

– Ну что, окунем ее в сугроб? – спросила Варвара с недоброй усмешкою; заметив гневный огонек в глазах Марфы Тимофеевны, досадливо отмахнулась, распахнула дверцу предбанника, вдруг вырвалась из дверей и, как была, голая, распаренная, ринулась в сугробы, тяжелым белым сном спавшие вдоль узкой тропы.

Анжель вскрикнула. Ее затрясла неудержимая дрожь от одного лишь прикосновения седого морозного клуба, ворвавшегося в предбанник, а Варвара... да ведь она умрет сейчас, если не выберется из снега!

Варвара, однако, умирать явно не собиралась: снова вбежала в баню, захлопнув за собой дверь, и снег таял, чудилось, даже с шипением, на ее медно-красном, налитом теле. Она была словно выточена из некоего горячего камня, гладкая, сильная, поджарая, мускулистая – истинная амазонка! Рядом с ней Анжель ощущала себя какой-то рыхло-белой немочью, однако, заметив поджатые губы Варвары и ее недобро сверкающие глаза, вдруг поняла, что и та не сводит с нее глаз, разглядывает ее придирчиво ревниво, да и Марфа Тимофеевна, уже успевшая надеть чистую белую рубаху, смотрела на них оценивающе, как бы не зная, кому отдать предпочтение, ибо эти две молодые женщины, такие разные, такие непохожие, в точности как день и ночь, как свет и тьма, были в то же время неуловимо схожи, являя собою редкостные образцы безупречной красоты.

– Что смотришь? – с трудом оторвав взгляд от Анжель, прошипела Варвара, и Марфа Тимофеевна не без ехидства засмеялась:

– Поглядел бы сейчас на вас барин, на двух таких... небось пожалел бы, что у него не два уда враз!

Варвара так и передернулась:

– Ништо! Мне и одного достанет!

– Ох, душа моя, – вздохнула Марфа Тимофеевна. – Ты все о своем!

– А что? – грозно надвинулась на нее Варвара. – Что ты думаешь, она ему в постель нужна? Зачем? Зачем, когда я... – Она осеклась.

– Вот-вот, – грустно кивнула Марфа Тимофеевна. – Ты-то да, а он что же?

В черных глазах Варвары закипели злые слезы, а голос сорвался на визг:

– Я не отдам его, не отдам этой девке, он мой!

– Поймай ветер в поле, – с непонятной печалью ответила Марфа Тимофеевна.

Варвара повесила голову и принялась надевать рубаху, больше не глядя на Анжель. Та же сидела на лавке, недоумевающая – почему ей не дают одежды? Кинули только ряднушку⁷ – вытирайся, мол.

– Готова? – спросила Марфа Тимофеевна у полуодетой Варвары, и та мрачно кивнула. Потом окинула соперницу взглядом, невольно застонав, когда глаза ее задержались на круто завившихся золотистых локонах, падавших на плечи Анжель, – и вдруг вылетела из предбанника, так хлопнув дверью, что все вокруг заходило ходуном.

– Уезжай в деревню, Варька! – сердито крикнула вслед ей Марфа Тимофеевна. – Сей же день уезжай! Или за Пашку выходи, не то доведешь себя до беды!

Но Варвара ее, конечно, уже не слышала, а потому, огорченно покачав головою, Марфа Тимофеевна взяла Анжель за руку и втолкнула в какую-то дверь.

Молодая женщина оказалась в просторном круглом зале, который был выложен бревнами, как и вся прочая банька, но здесь бревна, имевшие светло-золотистый свет, лакированно блестели, и огоньки нескольких свечей, стоявших в светцах⁸, играли и переливались, отражаясь

⁷ Ряднушка, рядно – грубый холст из пеньки (устар.).

⁸ Светцы – подсвечники (устар.).

в этих блестящих стенах, и в потолке, и в поверхности круглого водоема, выложенного камнем и занимавшего почти весь зал. Чудесное зрелище, кто мог ожидать такого в глуши лесной?

Над водой плыл тот же теплый, духмяный, травяной и березовый аромат, к которому Анжель уже привыкла, а потому она, изрядно озябнув и не найдя никакой одежды, торопливо соскользнула в теплую воду, решив согреться хоть здесь.

Она немножко поплавала, исследуя этот диковинный водоем, а потом, обнаружив, что дно его то понижается, то повышается, уселась на один из таких выступов, погрузившись по горло в теплую воду, а с головой – в свои тревожные мысли, которые доселе гнала от себя; да и не до размышлений ей тогда было.

Не помнившая другой жизни, мирного прошлого, Анжель, как всегда, жила среди тягот отступления, бегства, а потому чувствовала себя сейчас весьма неуверенно.

Все, что она успела узнать о русских за время скитаний с отступающей армией Наполеона, сводилось к одному слову – ужас. Они наводили ужас этой своей мстительностью, беспощадностью, внезапностью и яростью нападений. Анжель знала, что французы напали на Россию внезапно, что опустошили полстраны и уничтожили ее столицу, а потому понимала, что ей, француженке, не следует ждать добра от русских. Ну, накормили, ну, отмыли ее, а что же потом?

О каком барине вели речь Марфа Тимофеевна с Варварою? Надо полагать, что по его приказу Анжель оставили в живых и привезли сюда. Почему? Где он мог увидеть Анжель и прельститься ею? Нет, вряд ли такое возможно, ведь за время отступления она почти не видела русских – разве что казаков издали, да того монаха в разоренной церкви, да этих амазонок. И можно ли было даже издали прельститься немойтой бродяжкой?! А что, если этот русский барин просто коллекционирует француженок, велит доставлять к себе любую, какая попадет в плен к его крепостным партизанкам, которые, конечно, служат ему и на ложе страсти? Ну можно ли сомневаться, что Варвара – его наложница? Ведь она готова была на части разорвать ту, в которой заподозрила соперницу. Знать бы еще, что делает этот русский барин с пленницами, удовлетворив свою похоть? Может статься, Анжель найдет целый гарем своих соплеменниц (не секрет, что немало француженок сопровождало войска, днем скрашивая тяготы похода своим кулинарным искусством, а ночью – искусством любить, и не одна из них могла сделаться добычей русского барина!), помирающих от скуки в этом маленьком, но неожиданно роскошном охотничьем домике, скрытом в дремучих русских лесах. А что, если барин подобно маркизу Синей Бороде убивает своих женщин? Впрочем, Варвара ведь вполне жива, да и вообще эта догадка не вызвала особого страха у Анжель: чем меньше нитей привязывает нас к жизни, тем менее ощутителен страх потери ее. А что привязывало к жизни Анжель?.. Еще менее взволновала ее мысль о том, что еще какой-то мужчина воспользуется ее телом. Наверное, он хорош. Вот ведь как взбеленилась Варвара от ревности! Наверное, он умеет разжечь женщину, ласки его горячи и смелы...

Невольно Анжель задышала чаще. Этот золотистый полусвет, это мягкое колыхание воды, непрестанно трогающей, ласкающей ее тело, будто руки робкого, но ласкового любовника... Она лениво повела полузакрытыми глазами – и не поверила им, увидев и впрямь руки: одну на своей груди, другую на бедре.

* * *

...Немалое минуло время, прежде чем Анжель осознала, что не умерла от восторга, а еще жива и по-прежнему сидит в теплом водоеме, однако теперь уже не спиной к незнакомцу, а свернувшись у него на коленях, окруженная ласковым кольцом его рук, и вода уже не буйствовала греховно, а ласково колыхала Анжель, сливая чуть слышный, успокаивающий свой плеск с бесконечно нежным шепотом:

– Родная моя... радость моя... наконец-то я нашел тебя!

Он говорил по-русски, однако даже если бы Анжель не понимала слов, смысл их сделался бы понятен только по звукам этого счастливого голоса. Но лучше бы она не знала этих слов, ибо они ранили ее в самое сердце!

– Милая моя, сколько же я искал! Уже и надежду потерял. Думал, ты погибла, думал...

У него перехватило дыхание, и Анжель вдруг тоже ощутила, что задыхается, словно они сделались одним единым существом.

– Как же ты попала сюда? Зачем ушла, где скрывалась? Знала бы ты, сколько причинила бед! Княгиня занемогла, князь чуть с ума не сошел, когда твое письмо прочел. Но я верил, я верил, что найду тебя!

Анжель жадно глотнула воздуха.

О чем это он говорит? Кто ушел? Кого он искал? Какие князь и княгиня? Он сошел с ума, этот незнакомец, доставивший ей столько счастья, но лица которого она так и не видела!

Встрепенувшись, Анжель резко откинулась назад, чуть не соскользнув с его колен в воду, но была подхвачена проворными руками.

– Что с тобой? – Он улыбнулся.

Анжель ошеломленно смотрела на твердые, такие ласковые губы, на ямочку в середине подбородка, высокие скулы, серые глаза вприщур под разлетом светлых, выгоревших бровей.

Серые глаза вприщур... Не воспоминание, нет – какая-то далекая тень его прошла, пролетела, промелькнула, будто птица в вышине, не задев Анжель своим крылом.

Может быть, она видела его во сне, но наяву никогда.

Никогда!

– Кто вы, сударь?

– Почему ты так смотришь на меня?

Они прошептали это враз, она – по-французски, он – по-русски, но с равным испугом.

– Кто я? – Он пожал плечами. – Что с тобой? О чем ты говоришь? Ты не узнаешь меня?

Анжель затрясла головой:

– Месье, я не знаю вас!

Кровь бросилась ей в лицо при воспоминании о том, что случилось между ними несколько минут назад, а в его глазах мелькнула усмешка.

– Не знаешь?

– Месье, я... – Она смешалась, но все-таки с трудом выговорила: – Я не знала вас раньше!

Он смотрел пристально, недоверчиво, и ласковая улыбка еще играла на его губах.

– Зачем ты это говоришь? Что за игру ты ведешь со мной? Сейчас не время. Я искал тебя по всему фронту, и только чудом в этой церкви...

И тут Анжель узнала его и с облегчением воскликнула:

– О, я вспомнила, вспомнила! Ну конечно!

Это восклицание осветило его лицо, как солнце освещает весь Божий мир; он потянулся к Анжель, но замер при ее следующих словах:

– Я видела вас в той разрушенной церкви. Вы – монах, да?.. О, понимаю. Вы переоделись монахом, чтобы следить за отступающей армией? Вы – русский шпион?

Она сидела в его объятиях, оба они были голые и только что предавались безумной страсти, а все-таки он враг!

Анжель вдруг осознала, что именно он наслал на них полк своих баб-амазонок-партизанок, этих жестоких убийц и похитительниц, которые притащили ее сюда для его услаждения. Русский дикарь! Он забавлялся с нею, как с игрушкой, а теперь мутит ей душу какими-то бреднями. Зачем?

– О чем ты говоришь? – прохрипел он. – Да посмотри ты на меня! Да что же с тобой?!

Анжель рванулась с его колен и встала на скользкое дно водоема. Чего бы он ни хотел от нее, она не могла ему этого дать!

– Простите меня, месье, если я обманула ваши ожидания, – пробормотала она, вглядываясь в его глаза и пытаясь понять их выражение. – Отпустите меня! Позвольте мне уйти!

– Отпустить? – переспросил он таким голосом, что Анжель пробрала дрожь.

О нет, она вовсе не хотела уходить, она желала бы остаться, чтобы снова очутиться в его объятиях, однако невыносимо же осознавать: он принимал ее за другую, приказал другую привести к себе, целовал другую, извергал свой пыл в другое лоно... и Анжель ему никто. Ошибка. Приятная ошибка, да, но тем скорее об этом надо забыть.

– Отпустить, говоришь? – Он внезапно перешел на французский: – Как ваше имя?

– Анжель д'Армонти.

Лицо его дрогнуло.

– Анжель?.. Ангелина?!

Она пожала плечами:

– Анжель д'Армонти.

– С кем вы путешествовали?

– С мужем и его матерью.

– С мужем? О Господи! Среди тех людей, с которыми я вас видел, был ваш муж?!

Анжель отвела глаза, вспомнив, свидетелем чего он мог быть. Да уж, неудивительно, что он владел ею, даже не сочтя нужным показаться на глаза! После того, что слышал и видел, кем он еще мог счесть ее, как не бродячей шлюхой?

– Нет, – глухо ответила она. – Муж мой давно погиб.

Давно!.. Какую-то неделю назад, а кажется – жизнь с тех пор прошла.

– А эти люди? – допытывался он.

И ей вдруг захотелось причинить ему боль. Не вызвать жалость и сочувствие, что непременно произошло бы, расскажи она о том, как досталась Лелупу, а вонзить в него нож отворачивая к себе!

– Это мои любовники, – бросила она небрежно. – Я им плачу за то, что они кормят меня, охраняют, помогают добраться домой.

– Где ваш дом?

– В Париже, – соврала Анжель, не моргнув глазом.

И тут в голосе его вновь зазвучала отчаянная надежда:

– Где вы жили в России?

Анжель замялась. Зачем ему знать?

– Где вы жили в России? Говорите, ну! Да я сам скажу!

– В Москве! – выпалила Анжель, повинуясь непонятному чувству противоречия, вдруг овладевшему ею.

Ей уже нечего было терять в этой жизни, она и так потеряла все, сделалась животным, покорно лижущим всякую руку: кормящую, бьющую, ласкающую – всякую! Фабьен и его мать, Лелуп и Туше, Варвара и этот изощренный любитель наслаждений – кто угодно были властны над нею, кто угодно мог распорядиться ее судьбой. Но все! Больше этого не будет! Она будет делать отныне только то, что захочет. И если не захочет знать, за кого принимает ее этот человек, кто он таков сам, кого так отчаянно ищет среди боев и смертей, то и не узнает.

Неведомое доселе чувство собственного достоинства вдруг пробудилось в ней и, опьянив, окрылило. Теперь она знала, что предпочла бы замерзнуть в сугробе, чем быть проданной Лелупу. Но если вдруг ей еще раз придется отдаться мужчине или даже продаться ему, то это произойдет лишь по ее воле! Все, никаких больше господ над нею. Никто не посмеет распоряжаться ее судьбой!

Она рванулась, рассекая воду, к ступенькам и вскарабкалась по ним прежде, чем незнакомец успел схватить ее и задержать. Но отяжелевшее на воздухе тело сделалось непослушным, движения ее замедлились, так что он тут же оказался рядом и схватил ее за руку.

– Куда вы идете?

– Отдайте мою одежду, – буркнула Анжель, ожесточенно выдергивая руку из его пальцев. – И оставьте меня в покое! Все. Навсегда.

– Кругом лес, снега... – сказал он с мягкой улыбкой, выпуская руки Анжель. – Вам не выйти на дорогу.

– Пусть это вас более не заботит! – Анжель рванулась так яростно, что чуть не упала, поскользнувшись на мокром полу, но русский успел подхватить ее, так что Анжель невольно прижалась к нему всем телом... и этого мгновения было довольно, чтобы он опять набросился на нее.

Казалось, это длится бесконечно, и Анжель хотела, чтобы это длилось бесконечно.

Глава 4

Казнь под яблонями

– Все петухи давно отпели, – послышался насмешливый голос, и Анжель почудилось, будто она разглядела путеводную тропку в темной, непролазной мути, в которой пребывала бесконечно долгое время и которая звалась сном. А уже совсем под утро привиделся Анжель и вовсе невыносимый кошмар. Якобы стоит она у какой-то балюстрады, держась за нее обеими руками, и вдруг ощущает прикосновение двух холодных, мертвых рук!

Анжель вскинулась и некоторое время невидяще смотрела на круглое, красивое, улыбочное лицо немолодой женщины, прежде чем с трудом осознала, кто перед ней, кто сама она и где находится. Когда обессиленный русский принес свою случайную возлюбленную в постель, она окунулась в такой глубокий сон, что теперь ощущала свое тело неким подобием деревяшки, ибо так и проспала всю ночь, ни разу не шелохнувшись, на одном боку.

– Вот-вот, – хихикнула прелукавая Марфа Тимофеевна, – вот и он таков же: болен, мол, истинно чуть дышу, от усталости духа и тела моего! Девоч-то перепортил он на своем веку столько, что и не сочтешь, баб тоже не обижал, а что поутих последнее время – так ведь война! По краешку смерти хаживает мое милое дитячко... – Она тихонько всхлинула, продолжая сноровисто обряжать Анжель в тонкое батистовое белье.

– *Votre enfant?!⁹* – переспросила Анжель по-французски, однако Марфа Тимофеевна сразу поняла чужую речь.

– Хотя и не роженое, а мое родное дитячко. Не мать я ему, зато мамка, мамушка. Он мой выкормыш. Я ребятница¹⁰ была, когда мой сыночек от глотошной¹¹ преставился, ну а мужика лесиной придавило.

Марфа Тимофеевна быстро перекрестилась и вновь взялась за одевание Анжель. А та не знала, чему более удивляться: изысканности белья и редкостной красоте темно-синего бархатного платья и меховых полусапожек из тонкой кожи, в которые обряжала ее Марфа Тимофеевна, или той истовой нежности, которая звучала в ее голосе, когда она рассказывала о своем барине, чье распутство было для нее не более чем милой шалостью ненаглядного дитяти.

– Помер, говорю, мой сыночек, а княгиня об том прознала. Это не здесь было, а в имении князем родовом, на Орловщине: здесь просто так, угодя их охотничьи. Барыня наша была женщина жалостливая, сама только что родила и понимала, что княгине ребя, что кошке котя – то же дитя. Вот она и взяла меня в кормилицы, чтоб тоску мою утишить. Да и молоко у нее было жидкое, слабое, княжич маленький день и ночь плакал, криком кричал, а я бабенка крепкая, грудастая была, что буренка, выкормила моего ненаглядного Никитушку! – Она вдруг осеклась, прихлопнула рот ладонью: – Ох, что ж я рот раззявила, болтушка неболтанная! Князь молодой мне ведь не велел имя свое выказывать – пусть, мол, она сама меня узнает и вспомнит!

Анжель так вздрогнула, что Марфа Тимофеевна от неожиданности выронила ее недоплетенную косу, и темно-золотистый, тяжелый жгут больно ударил Анжель по спине.

Вчерашнее наваждение начиналось снова!

– Да успокойся ты! – еле утихомирила ее Марфа Тимофеевна, жалостливо разглядывая Анжель в зеркале. – Ишь, побелела: лица на тебе нет! Забудь, что слышала, я просто невзначай обмолвилась. Это ваши с барином дела – вы с ним сами и объясняйтесь!

И, не обронив более ни единого слова, она закончила причесывать Анжель и сопроводила ее в маленькую столовую, где уже сидел в одиночестве барин.

---

⁹ Ваше дитя?! (*франц.*)

¹⁰ Ребятница – женщина с грудным ребенком (*простореч.*).

¹¹ Глотошная – народное название дифтерии.

* * *

При виде его она замерла, словно ноги к полу приросли, а он вскочил с такой стремительностью, будто готов был, перескочив через стол, броситься к Анжель, однако суровый взор Марфы Тимофеевны пригвоздил его к месту, заставил пробормотать сдавленным голосом какие-то общие слова о погоде и самочувствии и снова сесть, уставившись в свою тарелку.

Кушанья были хоть куда! Прислуживал молодой статный лакей, русобородый, пригожий – хоть картину с него пиши! Анжель охотно отдала должное всякому блюду, поражаясь более чем обильному завтраку, однако, бросив невзначай взгляд в окно, увидела, что солнце уже в зените. Похоже, они с русским баринном вынуждены были совместить завтрак с обедом... и снова краска смущения залила щеки Анжель при воспоминании о том, почему это произошло.

– Приношу вам свои извинения, мадам, – проговорил в это время молодой князь глуховатым голосом, не отрывая взора от серебряного ножа с витой тяжелой рукояткой, которую он сгибал и разгибал с такой небрежностью, будто это была ивовая веточка. – Видите ли, я принял вас за одну свою давнюю знакомую... более чем знакомую! Сказать по правде, было время, когда сердце мое принадлежало ей всецело. Отечество, вера, государь и она, моя любимая, – вот все, для чего я жить желал. Казалось, и она от меня без ума, а на самом деле безбожно обманывала меня для одного вертопраха, чье имя более напоминало прозвище обезьяны. С ним она и сбежала впоследствии. Жаль, что я не успел для нее застрелиться! – усмехнулся он, и Анжель едва сдержала готовый вырваться возглас: «Какая она дура!»

Она с трудом отводила глаза от молодого князя. Хотелось, забыв о приличиях, смотреть и смотреть на это худое, нервное, четко очерченное лицо со светлыми бровями вразлет под высоким лбом, смотреть в прищуренные серые глаза с такими длинными, круто загнутыми светлыми ресницами... и эти твердые не улыбочивые губы... ах, как целуют эти губы! А по первому его зову, по первому знаку хотелось броситься в его объятия, и уже навсегда. Но он не делал этого знака, он не звал ее более – напротив, говорил и говорил о том, как сожалеет, как виноват, как жаждет прощения, каждым своим словом воздвигая между собою и Анжель новые и новые непреступные преграды.

Сердце защемило от обиды. Неужели она ему уже надоела?! И проговорила высокомерно:

– Когда извинения ваши вполне искренни, милостивый государь, я полагаю, вы не откажетесь помочь мне вернуться туда же, откуда ваши прислужницы меня вчера похитили?

Марфа Тимофеевна тихонько ахнула, прихлопнув рот ладонью; барин, заметно вздрогнув, уставился на Анжель испытующе:

– Зачем вам это? Наши дрались славно в сем деле, и хоть у нас были раненые и убитые, но у нашего злодея несравнимо больше. Там более нет никого и ничего, кроме печальных для вас воспоминаний.

– А это, – заносчиво вскинула голову Анжель, – уж моя печаль, и не вам утешать ее. Мое место – рядом с моими соотечественниками.

– Сыскать ваших соотечественников будет сейчас затруднительно, – отвечал князь со всею серьезностью, и только столь напряженные взор и слух, как у Анжель, могли различить в его чертах и голосе презрительную усмешку. – Русский Бог велик, говорили мы не один раз, но никогда не видели такое его могущество. Победитель мира Наполеон Бонапарт бежит, потеряв все! Скоро над ним и куры будут смеяться... ежели беглые французы не всех приедят! Больно только русскому сердцу, что неприятель занял Москву, привел ее в ужасное положение. Все осквернено шайкою варваров. Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Людовика. – Он гневно ударил по столу кулаком. – Однако Бог благословит предприятие наше. Если он защищает сторо- ну правую, то

нам будет помощником. Злодей из Москвы идет не по розам, а по трупам. Умен был Сегюр¹², говоривший, что русская осень стубит Наполеона. Он тогда еще не знал, что такое русская зима! Дело еще не кончилось, но, кажется, Бог не совсем оставил Россию, и если вы видели спаленную Москву, то мы увидим развалины Парижа!

Он в запале осушил добрую кружку какого-то русского зелья, которое Анжель было достаточно понюхать, чтобы понять: один глоток – и она не сможет встать со стула. А этот... дикарь, дикарь! Она измучилась от желания оказаться в его объятиях, почувствовать его губы и руки на своем теле, а он, словно и не видит ничего, ударился в рассуждения!

– Ну, если кто и побывает в Париже, то никак не вы, – съехидничала Анжель. – Вы, верно, и туда своих амазонок пошлете убивать ужасных французов, а сами... а сами... – Она искала в своем арсенале наиболее остро отточенный кинжал и вонзила его с невинною улыбкою: – А сами будете учить плавать своих крепостных девок.

Князь озадаченно свел брови.

– О чем это вы, сударыня?

– О чем?! – снова взвилась от ревности Анжель, явственно вообразив его в том волнистом водоеме с Варварой или еще какой-нибудь красавицей. – Даже если и сражаются русские доблестно, то вы ведь тут ни при чем. Вы кровь свою не льете. Отсиживаетесь в тихой, безопасной глуши. Решительно чудом спасся этот милый уголок – логово трусливого и похотливого русского медведя!

Он вскочил, с грохотом отшвырнув стул, с ненавистью глядя на Анжель, сжимая в руках изувеченный нож, словно готовясь запечатать им оскорбившие его уста.

Марфа Тимофеевна тоже вскочила и умоляюще простерла руки:

– Голубчик, охлонись! Родненький, помилосердствуй! Она в сердцах, она не со зла!

– Со зла! – запальчиво выкрикнула Анжель, успев мимолетно изумиться: оказывается, дворня этого барина изрядно знает по-французски. – Со зла!

– Ах, та-ак? – прошипел барин. – После всего, что между нами было, вы ощущаете ко мне только ненависть? А я думал... я полагал... – Он запнулся, и Анжель бросило в жар при мысли, что он сейчас припомнит ей иступленные крики, бесстыдные ласки, самозабвенный пыл, но он только по-мальчишески насупился и бросил сурово: – Коли так, говорить более не о чем. Ты, мамушка, снаряди барыню, посади ее в кошеву и самолично отвези...

Он не договорил, прислушался к чему-то, бросился к окну, рванул створки – и вместе с клубами морозного воздуха в столовую ворвались резкие звуки выстрелов.

* * *

– Барин, беда! – распахнул дверь какой-то тощенький мужичонка с вылупленными, белыми от ужаса глазами. – Француз напер со всех сторон! Я шел со скотных дворов через огороды, вдруг услышал топот и лалаканье. Я туда-сюда – смерть перед глазами! В грядах скрылся и лежал часа два, покуда они не прошли, а потом сюда кинулся.

«Часа два лежал?! Чего же ты, пакость, крика не поднял, чего ж ты жизнь свою жалкую спасал, а не барина предупреждал? Теперь-то ведь уж поздно!» – едва не выкрикнула возмущенная Анжель, но ее опередил отчаянный вскрик Марфы Тимофеевны:

– Со скотных дворов огородами?! Французы? Но там ведь тайные тропы, тех, кто их знает, – раз-два и обчелся! Не померещилось тебе, Лукашка?!

– Ну вот, нашла время обиду чинить! – рассердился мужичок. – Что я, порченный, чтоб мне всякие страхи мерещились?

---

¹² Имеется в виду Филипп-Поль де Сегюр – французский бригадный генерал, входивший в окружение императора Наполеона.

– Да ведь только малодушные следуют пословице: у страха глаза велики, – усмехнулся князь. – А Лука наш – ого-го! Аника-воин! Удалец! Так ли?

Лукашка застенчиво повел плечом:

– Удалец не удалец, Аника или Еруслан Лазаревич – это уж как скажете, барин, на то ваша воля господская, хоть я и запоздал с упреждением, а все ж таки к ворогу в ножки не кинулся, как Пашка, с криком-жалобой: мол, поджигатель наш барин и шпион!

Князь и Марфа Тимофеевна молниеносно переглянулись, а потом барская мамка крепко зажмурилась и тяжело оперлась о стол.

– Продад, продад он дьяволу свою черную душу!

– Да, – медленно проговорил молодой князь, – такого я не ждал от Павла. Сразу понял, что кто-то свой продад, иначе не выйти бы французу на наши охотничьи тропы. Но чтобы Павел!..

– Да что вы болтаете! – не выдержала Анжель. – Если подошли враги, нужно уходить!

– Она права, права! – попыталась совладать с собой Марфа Тимофеевна. – Ведь если попадешься им – не помилуют!

– Пока я нужен хоть кому-то на свете, я не решусь умереть, – светло взглянул на нее князь. – Беги, оденься потеплее, мамушка. И для барыни прихвати шубку да шальку. А ты, Лукашка, готовь саночки легкие, бегом!

Дворовые послушно кинулись в двери, а князь обернулся к Анжель:

– Со мной пойдете?

Анжель заломила руки.

– Да вы что? Подходят мои соотечественники, а вы желаете, чтобы я... Поймите: у меня своя жизнь, я не та, кого вы любите.

– Говорят: «Стоит русскому пожелать, и город взлетит на воздух!» Верно, это легче, чем понять вас, хотя сего я желаю всем сердцем и умом.

Анжель чувствовала, что ежесекундно готова заплакать от того, что он говорил, от самого звука его голоса.

– Уж и не знаю, кто вы и что у вас на сердце, однако же вы прочно усвоили набор расхожих истин, коими сейчас тычете мне в глаза. Ежели вы французенка, то и должны быть с французами! Глупость какая! Чего ради? Ради голода, холода, мучений, безвестной жалкой кончины в дебрях российских? Ради насилия, оскорбления от таких же ничтожеств, которые делали на вас ставки в церкви? А, черт... – Он осекся и резко отвернулся к окну, откуда по-прежнему доносились выстрелы.

Анжель покачала головой. Ну и дела... Когда князь смотрит на нее, она вся тает, горит, едва справляется с собой, чтобы не липнуть к его рукам, словно податливый воск. И только злость ей помощница. Все силы душевные направила она сейчас, чтобы взлелеять эту злость в себе, чтобы вспомнить: сей князь ходит шпионить в полки французов, а потом отсиживается в этом заповедном уголке. В это же время, сообразуясь с его сведениями, казаки и партизаны налетают на измученных, оголодавших отступающих, налетают внезапно и свирепо. Сообразуясь с его сведениями, русская артиллерия обрушивает на этих несчастных беспощадный огненный град. Она вспомнила, как умолял о смерти Фабьен, – и только и могла, что тихонько вздохнуть от боли в сердце. На руках у этого человека столько крови, и он вчера обнимал ее этими руками! Теперь и она вся в той крови.

Анжель вдруг осознала, что он стоит напротив, что-то быстро говорит, а в глазах такая тревога, такая нежность.

– Я сын своего отечества, – наконец дошли до ее слуха его слова, – а потому жизнь моя и силы ему принадлежат. Не судите...

– Вы, кажется, только что упрекали меня в употреблении расхожих истин? – ядовито перебила Анжель. – А что же я слышу от вас? И позвольте добавить еще одну истину, которая

вам не по сердцу придется, ибо такого вы от женщины слышать не привыкли: я вас видеть больше не желаю, и коли вы человек чести, ежели шпион может быть человеком чести, – подлила она яду до краев, – то умоляю отпустить меня к соотечественникам. Клянусь, что ни слова не скажу про ваше ремесло. Вам же лучше бежать, пока еще есть время. А не отпустите меня – я и сама уйду.

– Это мы еще посмотрим! – выкрикнул князь, хватая ее за руку и рывком привлекая к себе. – Уйдешь? Сама от меня уйдешь?! Да ты можешь напридумывать все что угодно, ты можешь выдерживать эту непонятную роль, поддаваться этому пагубному заблуждению, но разве тело твое забудет меня? Разве сердце твое будет лгать?

Он не договорил, припав к губам Анжель, и та едва не потеряла сознание. Какие-то синие звезды кружились перед ее глазами, она слышала плеск волн, ее опаляло солнце, где-то заливались жаркими трелями кузнечики, а ноздри трепетали от запаха цветущей смородины. Эти призрачные ощущения делались с каждым мгновением все острее, все отчетливее, теперь Анжель уже не сомневалась, что когда-то испытала их наяву и князь молодой был связан с ними неразрывно. «Неужели вправду мы знали друг друга прежде?»

– Господи помилуй! – Чей-то внезапный крик нарушил очарование, и князь выпустил Анжель так внезапно, что она рухнула в кресло, оказавшееся весьма кстати рядом, не то упала бы прямо на пол!

– Беда на пороге, а они?! – возопил голосом Марфы Тимофеевны ворох шуб и платков, чудилось, сам вбежавший в комнату, а потом ворох сей был брошен на Анжель, и князева мамка принялась одевать ее с невероятной быстротой, яростно ворча: – Охальник! Потаскун! А ну, одевайся, не медли!

Анжель безвольно, будто кукла, подчинилась ее сильным рукам, а князь, усмехнувшись, проговорил:

– Проворному недолго снаряжаться! – накинул на себя бекешу и, быстро склонившись над женщинами, сгреб их обеих двумя руками, крепко прижал к себе, осыпал быстрыми, жаркими поцелуями: – Вы – все, что мне в жизни дорого. Сбереги ее, мамушка, и себя сбереги, что бы ни было. Ежели Бог не совсем еще нас оставил, может быть, эта мрачная туча пронесется мимо. Прощайте – и храни вас Бог!

Еще раз крепко поцеловав Анжель и Марфу Тимофеевну, он кинулся к двери... но тотчас отошел медленными, тяжелыми шагами на середину комнаты. Прямо в грудь ему упирался штык, примкнутый к ружью, которое крепко сжимал в руках французский солдат. Глаза незваного гостя горели таким торжеством, и он был так упоен удачей, что даже не заметил двух женщин, сжавшихся в углу, и тем более не заметил, как Марфа Тимофеевна, прижав к себе Анжель, бесшумно скользнула в щель между двумя тяжелыми бархатными шторами. Женщины оказались в пыльном, синем полумраке.

* * *

– Бежим! – шепотом приказала Марфа Тимофеевна и, прошмыгнув в какую-то дверь, понеслась по длинному коридору.

Анжель послушно бежала следом, недоумевая – почему верная мамка оставила своего князя на произвол судьбы, а не кинулась ему на подмогу? Впрочем, что ж тут удивительного? Приказ был дан: спасаться, а Марфа Тимофеевна, при всей ее воркотне, не из тех, кто выходит из барской воли. Но сколько же можно бежать? Не иначе, этот бесконечный коридор опоясывает весь дом! Не по кругу ли они бегут? Анжель стало невыносимо жарко в лисьей шубе и пуховом платке, и в этот миг Марфа Тимофеевна остановилась и, осторожно приотворив какую-то дверь, заглянула в комнату.

– Никого! – шепнула она с облегчением, и женщины, крадучись, вошли, как поняла Анжель, в барскую библиотеку, ибо все стены были уставлены тяжелыми шкапами с книгами, да и кругом лежали раскрытые книги, и сердце Анжель вдруг сжалось от тоски: как давно она не держала в руках книг, даже не вспоминала о них, а ведь, по всей видимости, они занимали немалое место в той, забытой ее жизни! Марфа Тимофеевна пыталась отворить окно, через которое, как видно, хотела бежать, но вдруг ахнула и отпрянула за портьеру, знаком велев Анжель сделать то же самое.

Вытянув шею, Анжель все-таки ухитрилась глянуть в окошко... Да, бежать было уже поздно: французы окружили дом.

Теперь оставалось только смотреть, как схватились солдаты с десятком, не более, крестьян, составлявших, очевидно, всю немногочисленную прислугу и защиту охотничьего домика и вооруженных кто чем.

Французам было нечего терять, и они дрались как хищные звери, тесня растерявшихся мужиков, которые один за другим падали на снег, и каждая новая жертва исторгала новый стон из груди Марфы Тимофеевны. Это ведь для Анжель они были просто люди, просто русские крестьяне, а княжья мамка всех знала сызмальства, их жизнь протекала на ее глазах... Но вот и Анжель увидела знакомого: это был Лука, который и раненый, простертый на земле, отбивался от француза, не давая снять со своих ног валенки. Разъярясь, солдат рубанул ему руку саблей, чтоб не мешал. Издав пронзительный крик, Лука воздел кровавую культю к небу, потом ткнул ею в солдата – и отдал Богу душу. Солдат сего даже не заметил: он стаскивал с еще вздрагивающих ног вожделенную обувь. Однако проклятие Луки не замедлило его настигнуть: щелкнул выстрел – и француз ткнулся в снег рядом со своей жертвою.

Марфа Тимофеевна быстро, молча перекрестилась, словно не в силах была слова молвить, и Анжель увидела молодого князя, который в рваной бекеше, со свисающим рукавом (верно, вырывался неистово от тех, кто его пытался схватить) бежал между раскидистыми, облезлыми яблонями к низким бревенчатым сараям, откуда доносилось ржание испуганных лошадей, – бежал, стреляя, чудилось, непрерывно из трех пистолетов. Вот он отбросил один, выдернув из-за кушака запасной; отбросил другой, выхватил саблю – и та замелькала с невообразимой быстротой, разя направо и налево врагов, ошеломленных тем, что русский и левой рукою рубился ловчее, чем все они, вместе взятые, правыми руками. А князь кидался навстречу всякой опасности, подавлял всякого своей храбростью, доходившей до безрассудства, как если бы у него не было души, способной испытывать страх; и пули, словно колеблясь в своем стремительном движении от зрелища этой беззаветной отваги, пролетали мимо, не задевая его.

До конюшен оставалось несколько шагов, как вдруг безостановочный шепот Марфы Тимофеевны: «Господи! Господи, спаси и помоги!», сопровождавший всякое движение ее любимца, затих – и послышалось сдавленное проклятие Варваре, которая выскочила из конюшен и побежала к барину, не обращая внимания на пули. Она была вся растрепанная, с голой грудью, в порванной до бедер юбке, словно с трудом вырвалась из чьих-то жадных, похотливых рук. Следом выскочили два солдата: один со спущенными штанами, другой – в расстегнутых, так что без слов было понятно, от чего спасалась Варвара.

Она бежала, петляя, и мешала князю стрелять в подступавших врагов. Боясь задеть Варвару, он опустил пистолет, однако французам жизнь этой бешеной девки мало была дорога, поэтому случилось то, что неминуемо должно было случиться: из-за голого смородинового куста прилетела пуля и скосила ее на бегу.

Варвара рухнула к ногам барина, перевернулась на спину, мучительно выгибаясь, а руки ее цеплялись за полы одежды, за ноги князя, сковывая, спутывая его движения... и последние усилия жизни и любви Варвары стали теми сетями, в которые был пойман этот отчаянный храбрец. Невольно замедляясь, он опустился на одно колено, глядя в помертвелое лицо, навеки

утратившее яркую смуглость, и, собрав в горсть черные, распустившиеся, перемешанные со снегом волосы, поднес их к губам, как бы отдавая Варваре последнюю дань любви. Но больше он уже ничего не мог сделать ни для нее, ни для себя, ибо на него навалились сразу несколько человек.

Марфа Тимофеевна вскрикнула, Анжель, забыв об осторожности, высунулась в окно и увидела, как медленно, тяжело князь поднялся сперва на колени, потом во весь рост – французы висели на нем, как волки, – развел плечами раз, другой... они посыпались, накинулись снова, опять были сброшены.

«Милый, милый! Ну!..» – умоляюще застонала Анжель, однако откуда ни возьмись появился еще какой-то француз – дюжий, могучий, в тяжелой шубе поверх рваного мундира – и навалился на борющихся, так что никто уже не поднимался.

* * *

– Лелуп! Виват, Лелуп! – послышались приветственные крики, и Анжель невольно перекрестилась, словно увидела призрак.

Лелуп! Откуда он взялся? Возможно ли, чтобы еще и этот кошмар прибавился к тому ужасу, который она вынуждена наблюдать? Не довольно ли, что они с Марфой Тимофеевной, вцепившись с двух сторон в портьеры, беспомощно глядят, как солдаты со злорадными, оскорбительными выкриками поставили князя на ноги? Голова его свесилась на грудь, из рассеченного лба струилась кровь, колени подгибались, но, не давая врагу долго торжествовать, он подобрался, распрямил плечи, улыбнулся дерзко...

– Родной мой! – выдохнула Марфа Тимофеевна. – Красавец!

А он и впрямь был красив – даже сейчас: бледный, глаза прищурены, светлые волосы вразлет – весь словно летел, и что ему враждебные, жестокие руки, державшие его мертвой хваткой?! Сила духа окрыляла его и заставляла улыбаться, даже и глядя в лицо смерти.

Его прислонили к дереву, и какой-то драгун приставил к его горлу палаш. Князь смотрел на него с равнодушной полуулыбкою, словно не понимал, что одно небрежное движение француза может враз прервать нить его жизни.

– Экий проклятый! – удивился драгун. – Не сдается. Что делать, а, Лелуп?

– Коли его! – отмахнулся тот, сдирая со скрюченных предсмертной судорогой пальцев Варвары многочисленные кольца. «Жаловал он ее щедро!» – ужалила Анжель змея-ревность в самое сердце, еще не забывшее, как князь целовал волосы мертвой красавицы. Наконец, воскликнув:

– *Ce sera plus vite!*¹³ – Лелуп отсек пальцы Варвары вместе с кольцами.

Завидев сие, князь плюнул в его сторону, и это ожесточило драгуна, который опять приставил палаш к горлу пленника, однако же вновь передумал, воскликнув:

– Нет, мне, видно, не убить его!

– Тебе велено! – заорал Лелуп, с усилием нанизывая колечки на свои распухшие, обмороженные пальцы.

– Хоть велено, да рука не поднимается! – огрызнулся драгун, отходя и с преувеличенным вниманием разглядывая стволы яблонь, обернутые до самых ветвей соломой – от морозов.

– Эй, Бурже! – окликнул Лелуп. – А ну, поди сюда. Пора нанизать на твою пику эту русскую собаку!

– Кого? – отозвался Бурже. – Эту собаку заколоть? Сейчас!

Он вскочил на коня, отъехал шагов на пятнадцать, направил на пленного острие – и поскакал.

---

¹³ Так будет быстрее! (франц.)

Князь не двигался, только чуть склонил к плечу голову, глядя с усмешкою на всадника, словно заранее знал, что, подскакав к своей жертве, Бурже вздернет вверх пику, не в силах убить обреченного на смерть.

Так и случилось. Непонятная сила духа, абсолютное, нечеловеческое бесстрашие обескураживали солдат, лишали их мужества, что донельзя разъярило Лелупа.

Он намеревался во что бы то ни стало довести дело до конца, и уж ему-то солдаты не осмеливались противиться – напротив, подчинились словно бы даже с облегчением от того, что кто-то наконец взял на себя ответственность, переложил на свои плечи тяжесть греха – убийство безоружного пленника. Они торопливо выстроились в шеренгу и приняли ружья к плечу.

– Заряжай! – закричал Лелуп. – Это шпион, один из поджигателей, из-за которых погибает в Москве наша великая армия. Смерть ему! Целься!

Он уже готов был приказать стрелять, но князь не пожелал молча дожидаться смерти.

– Полно врать! – закричал он по-французски. – Палите-палите! Только чтоб руки не дрожали! И помните: есть Бог! Он наказывает и милует Россию! Дай Боже, чтоб эта проклятая война скоро кончилась, и помоги покарать злодея, поднять разбойников на штыки! Ну а теперь – пли!

Ударил нестройный залп. Князя отбросило назад так, что он ударился о яблоневый ствол и медленно сполз по нему наземь.

Ободрившись, словно сбросив с себя какую-то тяжесть, драгун и Бурже кинулись к нему и осмотрели тело, наперебой выкрикивая: мол, все стрелявшие – отъявленные мазилы, ибо из восемнадцати зарядов только две пули прошли грудь и еще две попали в голову. Удивительное дело, кричали французы, ведь остался жив!

– Жив! – горячо выдохнула Марфа Тимофеевна, и ее голос привел в чувство Анжель, которой все это время казалось, будто она лежит в гробу, слушая, как ударяются о заколоченную крышку новые и новые комья земли.

– Добейте его! – махнул рукою Лелуп, и у Анжель приостановилось сердце, однако тут Марфа Тимофеевна проворно перескочила через подоконник и, крикнув Анжель:

– Беги за мной! – ринулась через сад к конюшням той же тропею, которой бежал князь.

Сердце Анжель выскакивало из груди от страха и быстрого, тяжелого бега по сугробам. Она понимала, что у них нет шансов на спасение, но понимала также, что есть крохотный шанс спасти жизнь князя, ибо, завидев фигуры, словно свалившиеся с неба и куда-то бегущие сломя голову, французы вмиг забыли про полумертвого пленника и занялись своей любимой забавой – погоней за женщинами.

Анжель краем глаза успела увидеть Лелупа, приставившего дуло к виску недвижимого князя, однако при ее появлении он обо всем забыл, вытаращил от изумления глаза – и бросился за ней. Анжель взвизгнула не своим голосом, и в это мгновение Марфа Тимофеевна рванула ее за руку, затащив за приземистый, присыпанный снегом шалашик – летнее пристанище садовника. Лишившись опоры под ногами, они кубарем покатались к обрыву, а потом, в вихрях снежной пыли, по накатанной темно-ледяной горке – к извилистой реке, сквозь черные промоины дышавшей паром; рядом с рекой стояли легкие санки, в оглоблях нетерпеливо перебирали копытами кони – и никого, ни души вокруг!

– А он?! – успела выкрикнуть Анжель, прежде чем Марфа Тимофеевна с неженской силой зашвырнула ее в сани, сунула в руки вожжи и с оттяжкой хлестнула по лоснящимся крупам.

Легконогие, застоявшиеся кони с места взяли рысью. Марфу Тимофеевну отбросило в снег, и все, что слышала стремительно улетающая от нее Анжель, было лишь:

– Не дам его в обиду!..

Мать не смогла покинуть сына.

Какое-то время Анжель невидяще смотрела на тучи снега, летящие из-под копыт. Оступившая, онемевшая, она была будто в чаду и не могла осознать череду постигших ее несчастий. Но вдруг какое-то смутное чувство проклюнулось в ее памяти, и Анжель завизжала от внезапно пронзившего ее отчаяния. Одинокая, абсолютно беспомощная, она четко осознала, что тоже не хочет уезжать, не узнав, что с князем, – она не хотела жить, если он мертв! Но резвая упряжка, подгоняемая ее истошным визгом, неумолимо, как будто подчиняясь некоей всевышней силе, мчалась по узкому зимнику, приближаясь к темно-синему лесу, за который медленно опускалось розовое закатное солнце; позади, невозвратно позади оставались река, горка, сад, охотничий домик, а на попытку Анжель слабыми руками натянуть вожжи, сдерживать этот стремительный лет кони ответили таким яростным рывком, что она опрокинулась на тяжелую шубу, устилавшую сани, – и обмерла, услышав недобрый голос:

– Вот ты и сама ко мне пришла, душенька!

«Лелуп!» – мелькнула страшная мысль, но тут же Анжель сообразила, что говорили по-русски. Она приободрилась было, да ненадолго, ибо, откинув шубу, из-под нее вылез... не кто иной, как бесследно исчезнувший лакей князя!

* * *

Растрепанный, обсыпанный соломенной трухой, он устался на Анжель с не меньшим изумлением, чем она на него, и на какое-то время они так и сидели в неудержимо летящих санях. Наконец лакей очнулся, закричал:

– Ты? Куда ж ты гонишь, курва чужеземная? А Варька где?

«Так он ждал здесь Варвару!» – догадалась Анжель, и слезы непрошеной жалости к этому человеку, которому предстоит сообщить ужасное известие, обожгли ее глаза. Задыхаясь, с трудом сдерживая рыдания, она выдавливала из себя французские слова о том, что на охотничий домик напали, что им с Марфой Тимофеевной удалось бежать, что князя расстреляли...

Лакей, досадливо морщась, кое-как вникал в ее сумбурный рассказ. Однако при последних словах Анжель его лицо просияло.

– Наказал! Наказал-таки его Господь! И пособницу его, старую сводню, Марфушку, гори она огнем на том и на этом свете! Она и Варьку мою ему в постель подложила, и девок молодых, нетронутых, бесчисленное число, да и тебя, сколь мне ведомо... – Он озадаченно свел брови. – Одного не пойму, мамзель: ты-то куда летишь сломя голову? От своих бежишь? Или тебя Марфа заморочила? Не бойся ничего, давай я тебя отвезу обратно. – Он нагнулся было подбирать вожжи, чтобы заворачивать коней, и тут Анжель наконец поняла: да ведь перед нею тот самый Павел, который привел французов в княжеский заповедник!

Он, стало быть... Вот откуда уверенность Лелупа: московский, мол, поджигатель и московский шпион! Из ревности, только из ревности за то, что светлые удалые глаза князя помутили разум страстной дикарке Варваре и она предпочла другого, Пашка обрек этого человека на смерть, на муки... И на муки же и смерть обрек множество своих соплеменников-крестьян, подверг страданиям Марфу Тимофеевну, а уж ее, Анжель... Да что там говорить!

И вдруг радость захлестнула ее – злобная и мстительная, никогда прежде не испытанная радость. Бог не пожалел для нее этого счастья! У нее есть средство отомстить Павлу! И, стоя на коленях, с трудом удерживая равновесие, она выпалила в лицо лакею – и впрямь словно выстрелила:

– Варвала умерла! Ее застрелили французы!

Чего ожидала она после сих слов? Что Павел тоже умрет на месте? Что соскочит на всем ходу с саней и побежит в охотничий домик, припасть к трупам своей милой? Что повернет коней – и тогда Анжель тоже сможет вернуться и увидеть еще раз князя, живого или мертвого?

Ничуть не бывало. Ничего этого не произошло. Он просто сидел, безотчетно шевеля вожжами, отчего упряжку бросало то вправо, то влево, – сидел и тупо, как бы безразлично смотрел на Анжель. «Может быть, известие о смерти не производит на русских особенно сильного впечатления, потому что они суеверны и подчиняются всякой неизбежности, в том числе неизбежности судьбы?» – подумала Анжель и тут же поняла глупость своих мыслей: просто страшная весть еще не дошла до сознания Павла, а как дойдет... И тут она увидела, что обветренное, раздумавшееся от мороза лицо Павла меняет цвет. Синяя, потом желтая, потом мертвенно-белая полосы прошли одна за другой от лба к подбородку, как если бы вся кровь отхлынула от лица, превратившегося в маску мертвеца, так что ни следа не осталось от былой чеканной красоты черт, теперь искажившихся почти до неузнаваемости. Он на мгновение опустил распухшие вдруг веки, а когда вновь взглянул на Анжель, она тихо вскрикнула, прочитав в этом взгляде свой смертный приговор.

– Варвара умерла, – неузнаваемым голосом проскрежетал Павел... Нет, тот, в кого он превратился, и голос этот, чудилось, исходил не изо рта человека, а из какой-то мерзкой щели. – От твоих рук умерла! Будь ты проклята!

«Опомнись! – хотела крикнуть Анжель, отшатнувшись. – Ее убили те французы, которых ты привел!» Но было уж поздно, да и бесполезно кричать. Павел всей своей немалой тушей бросился на нее.

Удивительно: чем ближе была опасность, тем менее страха ощущала Анжель, а потому она не застыла беспомощной жертвой, а успела отшатнуться, да так резко, что в своем мощном броске Павел едва не вылетел из саней – повис, цепляясь ногами за скользкую, расползающуюся солому.

С победным криком Анжель схватила его тяжеленные ножищи, обутое в огромные валенки, и толкнула от себя с такой силой, что сама чуть не вывалилась вон на снег.

Павел перекувырнулся и какое-то время удерживался на неестественно вывернутых руках, обратив к Анжель уже не страшное лицо свое, ибо оно все было облеплено снегом, а некую чудовищную, белую, комковатую маску, которую прожигал один горящий ненавистью глаз, да еще черный провал рта протаивал снег со злобным рычанием. И настолько сильно было его тело, что Павел на какое-то время смог упереться ногами в снег и даже чуть замедлить стремительный лет санок, однако вывернутые суставы его хрустнули, и, дико закричав от боли, Павел отпустил край саней – и упал ничком в санный след, окутанный снежным облаком.

* * *

Анжель торопливо переползла на коленях вперед и вцепилась одной рукой в вожжи, другой нашарила кнут: не столько для того, чтобы нахлестывать коней, сколько для того, чтобы обороняться от Павла, если он (в воображении она придавала ему чрезвычайные силы!) поднимется и кинется в погоню, однако, глянув через плечо, заметила вдали на дороге темное пятно и чуть поуспокоилась: Павел все еще лежал, погони не было, и теперь всецело можно было заняться тем, чтобы справиться с упряжкой.

Напрасный труд, не по силам ноша! Неумелые дерганья вожжами только попусту задорили разозленных коней, которые мчались все быстрее, пока Анжель не оставила все свои бесполезные усилия и просто не вцепилась обеими руками в края саней, положившись на судьбу и подчинившись ее воле.

Конечно, это не могло длиться долго. На повороте сани занесло, они резко накренились, Анжель невольно выпустила их края, всплеснула руками в воздухе, силясь хоть за что-то ухва-

титься, – и вылетела вон вместе с шубой и охапкой соломы, на которой сидела. Почуввав свободу, кони понеслись с удвоенной быстротой, а Анжель еще долго лежала в сугробе, зарывшись лицом в снег и с трудом приходя в себя.

Наконец она села, прислушиваясь к тяжелому звону в голове и чувствуя ломоту в суставах. Утерев с лица налипший снег, огляделась. Она была одна в чистом поле, рядом с черным лесом.

Словно для того, чтобы усугубить это одиночество, краешек солнца канул за острые еловые вершины, и тотчас погасли теплые золотистые лучи, согревавшие небо, – оно враз сделалось зимним, черно-синим, и чернота эта сгущалась с каждым мгновением, словно для того, чтобы ярче засияла маленькая студеная звездочка, неохотно проглянувшая в вышине.

Звездочка та была одна на всем небе, как Анжель – на всей земле.

Главное – не терять присутствия духа, решила Анжель, постараться вспомнить, как вернуться в охотничий домик. Она немного подумала и быстро зашагала по едва различимой дороге... Впрочем, уже через несколько мгновений она ничего не могла различить – сгустилась ночная тьма. Сперва Анжель надела шубу, выпавшую из саней, потом сняла – стало невыносимо жарко, но все же волочила ее за собой, пока не бросила: сил не было тащить такую тяжесть. Она шла довольно долго, ощущая под ногами утоптаный зимник, пока вдруг не возник где-то за лесом, не окреп, не возвысился до небес странный звук:

– У-о-о-у-о...

Анжель затрясло. Она замерла, расширенными глазами вглядываясь в непроглядную тьму и слушая этот лесной зов, который, зародившись робким и вкрадчивым, закончился на такой победной, всеподавляющей ноте, что у Анжель подогнулись ноги.

Волки! Ее окружают волки!

Она ринулась бегом, наивно уверяя себя, что звери не тронут ее на дороге, где санный след, где витают слабые запахи людей, лошадей, саней, однако даже и этой слабой, детской надежде суждено было рухнуть, ибо Анжель вдруг ощутила под ногами не твердый, накатанный след полозьев, а мягкий рыхлый снег.

«Сбилась с пути», – подумала она и повернула назад, но как ни кидалась она взад-вперед, как ни металась, но дороги не нашла. Разрыдалась, стоя чуть ли не по пояс в сугробе и воздев к небу мокрое от слез лицо. А потом опять пошла – уже не разбирая дороги, не ведая куда.

К ночи мороз унялся, воздух сделался тих и влажен. Анжель смертельно устала от своих блужданий по сугробам. Страшно хотелось лечь прямо на снег и хотя бы на миг смежить усталые вежды, однако, даже и смягчившийся, этот вечер был зимним и студеным, а Анжель уже слишком много видела людей, уснувших сладким зимним сном в пуховиках сугробов под колыбельную метели, потому и не поддавалась этому смертельному соблазну.

Она шла и шла неведомо куда, стараясь только, чтобы волчий вой все время оставался за спиной, шла, укрепляя свою веру в то, что сможет так вот блуждать до утра и звери ее не сыщут, – и не поверила ни глазам, ни ушам своим, вдруг увидав впереди желтые огоньки и услышав рокошущее рычание уже готового к прыжку зверя.

Волк! Он обошел ее, подстерег! Теперь ей не спастись.

Нет, нет!

Анжель резко развернулась, побежала, упала, запутавшись в валежнике, с трудом перебралась через ствол, утыканный острыми сучьями, и снова пустилась бежать. Но вдруг сырое похрустывание снега под ногами сменилось стеклянным скрежетом, и Анжель лишь тогда сообразила, что это река, когда провалилась под лед и ледяные объятия сковали ее от ног до пояса.

Прорубь или промоина? Впрочем, разницы в том не было... так и так погибель...

Анжель всматривалась во тьму, пытаясь разглядеть берег. Что-то почудилось, она ринулась вперед, но дно ушло из-под ног, и Анжель беспомощно забарахталась, пытаясь ухватиться за хрупкий лед.

Шубка и тяжелые юбки тащили Анжель на дно, а освободиться хотя бы от мокрого меха не удалось: она только вовсе обессилела. Едва уперлась руками о края проруби, как откуда-то взявшееся глубинное течение стало ее ноги поднимать вверх и уволкивать под лед. Анжель опиралась, сколько сил было, руками об лед, пытаясь вылезти, но прорубь становилась все обширнее.

Теряя последнюю надежду, Анжель закричала, и... ей откликнулся торжествующий вой. Он был совсем рядом. Чудилось, волк ухмылялся, чуя поживу.

Анжель повернулась, пытаясь уплыть как можно дальше от волка, но, как ни студена была речная вода, она ощутила еще более холодные токи и поняла, что попала на стремнину.

Все. С этим ей уже не совладать. Или волк, или река – кто-то из этих двоих, равно алчущих, заберет себе ее тело. И, теряя разум от страха, Анжель издала дикий, нечеловеческий, предсмертный уже вопль (чудилось, вся душа изошла из нее в этом прощальном крике!), и сперва всего лишь эхом показался ей прозвучавший неподалеку отклик:

– *Tiens ferme!*¹⁴

Поверить своим ушам Анжель не могла, но голос незнакомца повторял, чтоб она держалась, держалась... И Анжель ринулась, ломая лед, к нему навстречу, недоумевая, почему волчьих глаза по-прежнему светятся там, где кричит человек.

Хрустел лед под тяжелым телом, которое двигалось навстречу Анжель, и вот наконец ее протянутые руки вцепились в мех шубы, а в ноздри ударил запах мокрого сукна.

Незнакомец крепко прижал к себе Анжель, повернулся, сделал два-три мощных рывка и вместе с нею вырвался из смертельно-ледяных речных объятий.

Он отстранил от себя Анжель, вглядываясь в ее лицо, как если бы мог что-то различить в этой кромешной тьме, – и вдруг громко, утробно расхохотался, словно зарычал.

– Я так и знал, что еще увижу тебя! Так и знал! – послышался торжествующий голос, знакомый до тошноты, до отвращения, до смерти.

Лелуп.

Это Лелуп.

Волк.

Так он все-таки настиг ее, этот ночной хищник!

---

¹⁴ Держись крепче! (*франц.*)

Глава 5

Роковая дама треф

Оливье де ла Фонтейн был из тех немногих счастливицков, которые отправились из Москвы отнюдь не с пустыми руками. Сперва ему даже чересчур тяжел показался собственный ранец, в котором было порядочно-таки запасов: несколько фунтов сахару и рису, немного сухарей, бутылка водки. Однако основную тяжесть составляла не провизия, а некоторые премилые сувениры: сверток затканной золотом и серебром китайской шелковой материи, кое-какие драгоценные безделушки, несколько медалей и усыпанная бриллиантами звезда какого-то русского князя. Оливье никогда не кичился перед другими своей добычей и даже себя уверял, что эти вещи не сняты с мертвых русских, а найдены в подвалах или домах, обрушившихся от пожаров.

Еще в ранце хранился парадный мундир Оливье и длинная женская амазонка, очень красивая, орехового цвета, подбитая зеленым бархатом. Солдат, продавший Оливье амазонку, не знал, что это платье для верховой езды с длинным шлейфом, и пресерьезно уверял, что носившая ее женщина была больше шести футов росту. Оливье, намеревавшийся еще в начале пути облегчить свой ранец, хотел выбросить платье, но пожалел и оставил, выбросил только свои парадные белые лосины, предвидя, что они не скоро ему понадобятся.

Время показало, что он был прав: о парадах никто не помышлял, а из амазонской юбки Оливье сам сшил себе двойной жилет и сам простегал его; верхнюю же часть платья и лоскутья отдал какой-то маркитантке за бутылку рома. Еще он случайно разжился большим воротником, подбитым горностаем, однако не переставал ругательски ругать себя, что вовремя не позаботился о хорошей шубе – не тяжелой, а легкой, вроде бекешки или казачьего полушубка.

И вот как-то раз судьба оказалась к нему благосклонна. Небольшая группа казаков – не более пяти всадников, отправившись на разведку, слишком близко подобралась к колонне отступающих и уже изготовилась даже к нападению, когда из лесу показалась еще одна группа французов. Они были на сытых, резвых лошадях, навьюченных объемистыми тюками, и казаки сочли неблагоприятным связываться с превосходящими силами противника, который осмелел и начал даже преследование, радуясь случаю хоть как-то отыграться. Один казак отстал – лошадь у него захромала, и Оливье, прищпорив своего коня, кинулся на него. Прежде чем казак успел выстрелить, француз схватил его за ворот полушубка, но тут, откуда ни возьмись, появился громадный всадник (из вновь прибывших) с красно-синим, обмороженным лицом и тоже ухватился за казака. При других обстоятельствах Оливье не рискнул бы связываться с человеком, имевшим такой устрашающий вид, однако несправедливость (соперник был облачен в огромную доху) оказалась слишком явная, чтобы он мог уступить вождельный казачий полушубок.

Между тем испуганная лошадь выскочила из-под казака, так что тот повис между двумя всадниками, однако извернулся, выскользнул из полушубка, рухнул на снег и тотчас же, вскочив, задал стрекача с таким проворством, что за ним и конный не угнался бы. Да и не до него было Оливье и тому, другому всаднику: они тянули трещавший по швам полушубок каждый к себе; и неведомо, сколь долго бы длилось сие соперничество, когда б краснорожий, изловчившись, не вытащил из-за пояса пистолет и не наставил его весьма недвусмысленно на Оливье, вынудив того обреченно пожать плечами и выпустить свой рукав, призвав на помощь свою всегдашнюю жизнерадостную философию: «Если на сей раз предпочла фортуна другого, то вскоре изменит и ему, ибо непостоянство – имя твое, женщина!» С такой вот лукавой усмешкою на своей худой физиономии он смотрел вслед победившему сопернику, удивляясь – куда это он скачет с меховым трофеем? И вдруг увидел в стороне укутанную попоной фигуру, неподвижно сидевшую на коне.

Победитель подскакал к ней, сорвал грязную, прожженную во многих местах попону и небрежно набросил на плечи полушубок. Оливье даже головой покачал, ибо жадность соперника, оказывается, объяснялась только одним: желанием одеть потеплее свою даму... ну да, на том коне сидела женщина.

Оливье всегда был любопытен не в меру, а тут его чуткий нос почуял весьма изощренную пищу. Оливье дал шпоры коню, подскакал к странной паре и отвесил по возможности низкий поклон и своему бывшему сопернику, и женщине.

– Тысячу раз простите, сударь, мою недогадливость и упрямство! – дурашливо блестя глазами, затрещал он. – Но кто мог предположить, что вами движет побуждение высокого рыцарства? Ради прекрасной дамы я и сам не замедлил бы раздобыть не только полушубок, но и... – Он осекся, потому что ему запечатали уста два взгляда: злобный, свирепый – мужчины и мертвенный, остекленевший – женщины.

Казалось, она не совсем понимает, что делает, что с нею происходит, ибо никак не могла попасть в рукава и двигалась так вяло, словно в теле ее не осталось никаких жизненных сил. Хотя лицо женщины оставалось безучастным, но Оливье все-таки узнал ее. Ведь и в прошлый раз он видел ее в состоянии такого же тупого равнодушия, хотя на глазах у нее застрелился ее муж. Да и невозможно было не узнать эти синие глаза с каймой длинных золотистых ресниц, эти тяжелые, словно из золота, кудри. Впрочем, сейчас чудные волосы ее обвисли кудлатыми сосульками, а роскошное бархатное платье имело такой вид, будто его выстирали в грязной воде, туго-натуго выкрутили, высушили прямо так, комом, и напялили, позабыв погладить. И все-таки даже такая – нечесаная, неопрятная, смертельно усталая – она была красива какой-то тревожной, бесконечно трогательной красотой, и сердце Оливье зануло.

Он видел ее всего лишь второй раз в жизни, но чего бы только ни отдал, чтобы не расставаться с нею больше! Должно быть, эта мысль ясно отразилась на его лице, потому что красно-мордый великан грязно выругался и так ткнул своим железным кулачищем Оливье в грудь, что тот едва не слетел с коня. Было очевидно: пока синеглазая красавица находится под покровительством этого грубияна, к ней не подступишься!

И все же Оливье не сомневался: удача ему выпадет! Что-то было такое в самом воздухе, сгустившемся вокруг этих троих, что-то было такое... Он знал, он верил: судьба готовит ему щедрый подарок. Хотя Оливье и приходилось порою бороться с фортуной подобно храброму атлету, бороться, пока достанет сил, он почти не сомневался, что эта легкомысленная дама поглядывает на него благосклонно. Ведь Оливье де ла Фонтейн имел редкий талант нравиться женщинам, особенно набожным скромницам, и талант свой в землю не зарывал. Жизнь научила его еще одной премудрости: «Qu'il ne faut rien précipiter!»¹⁵ – и сейчас он знал: рано или поздно ему повезет.

– Такого мужлана не сделать рогносцем, право же, грешно! – пробормотал Оливье, словно подстегивая судьбу. Однако даже он не ожидал, что это произойдет нынче же вечером – и почти без всяких усилий с его стороны.

* * *

С ночевкой на сей раз повезло – удалось добраться до блокгауза. Там уже пылал огонь в очаге и булькала в котелке похлебка, когда Лелуп и Анжель отворили покосившуюся щелястую дверь, окунувшись в плотную завесу табачного дыма и чада факелов, окунувшись в запах вареного мяса, заскорузлых кровавых повязок и сырого, отпотевающего в тепле сукна мундиров, – то были запахи копошащейся, жрущей, страдающей, но живой жизни, в то время как свежий ночной воздух за порогом означал только одно – смерть.

---

¹⁵ Не надо ничего торопить! (франц.)

Лелуп сразу заметил укромный уголок и протолкнулся туда, волоча за собою Анжель. На нее посматривали с тайным вожделением, но старались не задерживать взгляд, чтобы не злить Лелупа: бешеный нрав и жестокость его были известны. Известно всем было и то, что за эту девку (проданную ему за миску мучной похлебки), потом пропавшую, но затем выловленную им из реки темной ночью, он глотку перегрызет кому угодно. Этому дивились, но никто не осмеливался спорить после того, как желание облапить эту синеглазую молчунью стало причиной смерти нескольких доблестных драгун. Теперь Лелуп берег ее для себя одного, не уступал ни за какую цену, хотя изумрудное кольцо, предложенное ему прошлой ночью старым генералом, имело, конечно, баснословную стоимость и сделало бы Лелупа обеспеченным на всю жизнь. Но этот человек, обычно болезненно скупой и грабивший где мог и что мог, словно желая продемонстрировать, что ему наплевать на деньги, в тот вечер не постеснялся: едва дождавшись, когда попутчики уснут, он набросился на Анжель, утоляя свой волчий аппетит, и его нимало не охлаждало, а, напротив, даже раззадоривало ее полнейшее к нему равнодушие. Никто не мог понять, в том числе и сама Анжель, что находит Лелуп в молчаливой, безучастной ко всему женщине, которой, казалось, было все равно: тащиться по колено в сугробах, жевать полусырую конину, спать вполглаза у чадного костра или удовлетворять пыл Лелупа, коего не мог охладить самый лютой русский мороз. Однако Анжель чувствовала: остальные ошибаются на ее счет, а Лелуп смутно чувствует то, что стало основой ее теперешнего существования: тайную, глубоко затаенную ненависть к нему. А поскольку вся натура, вся суть его была направлена к подавлению любого сопротивления, он и пытался загасить в Анжель это последнее живое чувство, не догадываясь – а может быть, наоборот, догадываясь, – что тогда умрет и она сама. И никто, кроме Анжель, не знал и не подозревал, как устала она жить с отравленной, опустелой душой, как мечтала о мгновении искренней, чистой, ничем не омраченной радости.

Как ни рвалось ее сердце к русскому князю, как ни жаждала она узнать о его судьбе, возможностей к этому оставалось для нее все меньше, а расстояние между нею и охотничьим домиком все увеличивалось. От Лелупа отвязаться немислимо, он был вездесущ, как рок, а потому Анжель заставила себя отринуть все воспоминания об этом русском и всецело предаться настоящему, которое теперь заключалось для нее в мечтах об избавлении от Лелупа. Она знала, верила, что сие произойдет рано или поздно, а потому исподволь готовилась к этому, не желая, обретя свободу, умереть с голоду и холоду. Она уже знала, что сразу после полуночи Лелуп впадал в такой крепкий сон, что хоть огнем его жги – не добудишься! Не забыв страшного приключения на льду, где Лелуп как бы принял образ волка, она полагала его оборотнем и думала, что в часы этого непробудного сна он обретает свой истинный облик и рыщет где-то по лесам, по чащобам, в то время как человеческое тело спит, точно мертвое. В эту пору можно было без опаски подпороть подбивку его мундира и вытащить оттуда бриллиантик или изумруд, что почти каждую ночь и проделывала Анжель, потом тщательно зашивая распоротое место иглой, которую она берегла пуще глаза и для лучшей сохранности прятала в мех Лелуповой дохи: не зная, где именно воткнута иголка, ее нипочем не сыскать!

Найти место для камушков было непросто, ведь Лелуп, не стыдясь, лапал ее, где только рука доставала, а когда ему припадала охота добратся до ее тела, мог и юбки разорвать в клочья! Тут очень кстати пришлись надетые на нее Марфой Тимофеевной меховые полусапожки, под стельки которых и заталкивала она свою добычу. Причем Анжель нимало не угрызала совесть, когда при ходьбе она ощущала под пятками колючие бугорочки. Напротив, она испытывала истинное наслаждение! Ведь это были награбленные драгоценности, они принадлежали Лелупу не по праву – что же в том, что эти кабошоны и ограненные камни, эти серьги, колечки, цепочки, среди которых была чудная непросверленная жемчужина, сменили хозяина? Анжель сожалела лишь о том, что их пока так мало. Она намеревалась за эти вещицы подкупить людей, которые так или иначе избавили бы ее от Лелупа, увезли, взяли с собой, а его... Ей было враз

сладостно и тошно думать о казни, которую она придумает для этого ненавистного человека, когда обретет над ним власть!

Ну а пока – пока она находилась в его власти и принуждена была сохранять ту маску омертвелого безразличия ко всему на свете, которая уже сделалась для нее привычной. Анжель покорно последовала за Лелупом в угол, села на тюк, вытянула ноги, прислонившись к стене и прикрыв глаза, наслаждаясь тем, что рассеивается перед внутренним взором навязчивое видение истоптанной зимней дороги, кое-где обезображенной воронками и обгаренной кровью, а свист ветра и шум леса уступают место звукам человеческой речи, ругани, смеху и даже пению.

И прежде нас много бывало – У жизни веселых гостей, И вот мы, на память погибшим, Бокал осушаем, друзья!

И после нас будет немало – У жизни веселых гостей! И так же, нам в память, счастливы, Они опорожнят бокал!

Выводил кто-то заунывно и так фальшиво, что сотоварищ заткнул певцу глотку, предложив ему тот самый вожделенный бокал. До Анжель донеслись обрывки разговора:

– Говорят, над русскими позициями парил орел в день сражения при Бородине, и они восприняли это как знак победы.

– Ну и дураки! – отозвался другой голос, насмешливый. – Победа была за нами!

– Это одному Богу ведомо, – произнес еще один голос, показавшийся Анжель знакомым.

Она лениво приоткрыла глаза и увидела неподалеку того самого человека с лукавым лицом, который схватился с Лелупом из-за казачьего полушубка. Причем Анжель почему-то не сомневалась, что она и прежде его видела, только вот где, когда? Ну мало ли совместных ночевок было в этом бесконечном пути! Лица появлялись и исчезали – разве всех упомнишь? Однако сейчас ей было почему-то очень важно вспомнить первую свою встречу с этим человеком, и она продолжала смотреть на него пристально и слушать его речь. И слушала его не одна Анжель, потому что он, увлекшись, описывал картину, враз пугающую и внушающую восхищение.

– Да, русские проиграли нам при Бородине – кто спорит? От некоторых их соединений не осталось ни одного человека. Однако я видел, как целые русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на шаг.

– Что и говорить! – нехотя согласился мрачного вида итальянец Гарофано. Он сидел возле костерка, разведенного меж двух камней, и медленно помешивал что-то вкусно пахнущее в котелке, однако больше увлечен был беседою, чем своим варевом, которое уже выкипало через край. – Что и говорить! Я видел места трех главных редутов – все там было взрыто ядрами, а кругом валялись клочья тех, кто защищал редут, и видел разбитые вдребезги лафеты пушек, а кругом – одни трупы, людей и лошадей. В некоторых местах битва была столь ожесточенной, что тела лежали нагроможденные кучами: и русские, и наши!

– Русских было больше, – упрямо буркнул Лелуп.

– Да, больше... – упрямо согласился тот, знакомый незнакомец с веселым лицом, которое сейчас, однако, приобрело унылое выражение. – Трудно представить себе что-нибудь ужаснее главного редута. Казалось, целые взводы были разом скоплены на своей позиции и покрыты землей, взрытой бесчисленными ядрами. Тут же лежали канониры, изрубленные около своих орудий...

– Кто дал тебе право глумиться над останками наших славных воинов? – заорал Лелуп, подавшись в его сторону.

– Да уж, де ла Фонтейн, ты что-то не в меру полюбил русских... А ведь они наши враги! – подхватил еще чей-то голос.

«Вот какая, значит, его фамилия: де ла Фонтейн!» – почему-то обрадовалась Анжель, с особенным вниманием слушавшая этого человека. А тот между тем продолжал:

– Разве отдать должное храбрости врага – значит, полюбить его? Брось, Лелуп! Мы не видели тебя ни при Бородине, ни при Шевардине... видели только в горящей Москве.

Лелуп оскалился по-волчьи, но только сплюнул, не решившись броситься на насмешника. Здесь было слишком много народу, и каждый мог бы назвать Лелупа «московским купцом». Тогда пришлось бы драться со всеми, а в блокаuze было не меньше полусотни человек, и никто, знал Лелуп, никто не пожелал бы стать на его сторону. Поэтому он сделал вид, что не расслышал оскорбления, и отвернулся с деланным безразличием, размышляя, продаст ли ему здесь кто-нибудь съестного или придется доставать свой припас. Но и денег жаль, и хлеба да крупы... А ведь если доставать свое, то придется делиться со всеми, таков закон блокауза! Лелуп, свирепо пощыкав зубом, принялся неприметно оглядывать собравшихся, гадая, удастся ли потом, попозже, когда все утихомятятся, выторговать у кого-то из них золото или драгоценности... или украсть. Хорошо бы пошарить в ранце и карманах этого красная Фонтейна, который все не прекращал свою дурацкую болтовню.

– Народ русский сотворен из противоположностей поразительных! – разглагольствовал между тем Оливье, который и всегда-то любил пофилософствовать, а уж тем более когда на него были устремлены столь прекрасные синие глаза. – Да вы все это видели: сжечь собственную столицу, святыню, чтоб только не досталась врагу! Каждый из вас знает: подробности пожара в Москве способны были растрогать и каменное сердце. Поразительна сила духа, которую выказали русские. Хотя они столь воинственны, что геройские подвиги их не больно-то удивляют. Они храбрее испанцев!

– Ну, это уж ты лишка хватил, – проворчал какой-то бургундец, чье происхождение и любимое занятие с легкостью можно было бы определить по красному носу и набрякшим щекам. Впрочем, не исключено, что и нос, и щеки его просто-напросто обморожены и никакой он был не бургундец. – Баски грызли нас зубами за свои горы, за свои оливы... Трупы наших товарищей, побывавших в их руках, выглядели в точности так, как если бы прошли все семь кругов ада и были извергнуты из преисподней на устрашение живым.

– Я говорю о мужестве, а не о жестокости, – возразил де ла Фонтейн. – В народе этом есть что-то исполинское, обычными мерами не измеримое. Один умный человек сказал, что Россия похожа на шекспировские пьесы, где все величественно, что не ошибочно, и все ошибочно, что не величественно.

– Я не знаю, что это за штука такая – шекспировские пьесы, но думаю, ты просто предатель, если так хвалишь тех, кто довел нас до такого состояния! – взревел Лелуп, потрясая своими шубами, из-под которых виднелись обрывки уланского мундира.

Он двинулся было на Фонтейна, однако Гарофано, вернувшийся к своей стряпне, проворно плеснул на руку Лелупу из поварешки и, когда тот, ошеломленный болью, замер, вытаращив глаза, с сожалением в голосе сказал:

– Хоть и зол ты, а глуп! Легче ли было бы тебе, ежели б тебя довели до такого состояния, – он так похоже передразнил рычание Лелупа, что все вокруг прыснуло, – слабаки и ничтожества?! Коли так, ты и сам выглядел бы ничтожеством. А быть побежденным могучим противником как бы и не столь стыдно.

Лелуп озирался, злобно оскалившись. Ему хотелось опрокинуть на голову Гарофано его котелок со всем содержимым. А затем полить его маслом и швырнуть живьем в костер, чтобы потом раскуривать от него свою трубку... Как в Богородске, где по одному только подозрению, что убиты там пять французов, арестовали пятерых русских. Лелуп тогда сам вызвался принимать участие в экзекуции: двое были расстреляны, двое повешены за ноги, а пятый сожжен... От того костра Лелуп напоказ раскуривал свою трубку. Но это было давно, еще летом, а теперь – зима, в ролях победителей и побежденных играют другие актеры: те, кто прежде глядел на Лелупа с завистью, теперь готовы плевать ему в лицо. Да и масла нет – полить Гарофано, да и трубка пуста, раскурить нечего! Потому Лелуп счел за благо пока смолчать, но непременно

расквитаться при случае и с негодяем Гарофано, и с Фонтейном, чья болтовня не смолкала, хотя кое-кто уже спал. Вот и Анжель лежит с закрытыми глазами, и ее уморил глупый трепач. Лелуп приободрился: знать, лишь почудилось ему, что Анжель смотрела на этого бездельника с интересом. Ну, коли так, пусть спит. Лучше уж ей спать, чем видеть непривычное смирение своего хозяина. Да он и сам устал нынче, даже есть расхотелось. Может быть, потом, позднее, когда все уснут, он утолит свои аппетиты, а пока – спать, спать!

Лелуп расстелил плащ, шубу и уже улегся было рядом с Анжель, как вдруг, бросив последний, свирепый взгляд на Фонтейна, увидел в его руках нечто такое, от чего в горле тотчас пересохло, а разум воистину помутился, ибо он увидел карты...

Карты!

Анжель вовсе не спала. Она закрыла глаза, испытывая неизъяснимое блаженство от слов де ла Фонтейна. То, что он говорил о русских вообще, в ее восприятии относилось только к одному человеку. Это он был создан из противоположностей поразительных. Это он был враз нежен и воинственен, это он выказывал поразительную силу духа! Снова и снова всплывали в ее памяти сладостные и незабываемые картины: их объятия, их поцелуи, его глаза и улыбка... Но потом явились другие картины, от которых больно защемило сердце: смуглая, дикая красота Варвары, ее черные, присыпанные снегом волосы, к которым он благоговейно прикоснулся губами, – и его изорванное пулями тело, отброшенное к яблоне и медленно сползающее на землю...

Боль уколола сердце так, что Анжель вскинулась и села. «Забудь, забудь, забудь!» – мысленно твердила она как заклинание, часто дыша и смаргивая с ресниц слезу.

Она огляделась затуманенными глазами и с изумлением обнаружила, что Лелуп не сидит сейчас, как цепной пес, возле нее, а сторбился за шатким столом, где напротив него поигрывает истрепанной колодой карт тот самый де ла Фонтейн. Там что-то происходило, а поскольку в свинцовой скуке блокаузных вечеров веселила всякая безделица, то и неудивительно, что все, кто не спал, стояли теперь у стола.

Одного взгляда достало Анжель понять, что идет игра и Лелуп безнадежно проигрывает. Его проигрыш или выигрыш волновали Анжель лишь постольку, поскольку имели отношение к ее судьбе. Поэтому она решилась подняться, приблизиться к играющим и украдкой взглянуть на стол, куда все глядели как зачарованные.

Ее словно ударило блеском радужных огней. Да ведь Лелуп поставил на кон и, судя по всему, проиграл те самые камушки, которые должны были переключить в ее карман, точнее сказать, в ее обувь! Она уже считала эти драгоценности своими и готова была сейчас на все, чтобы хоть как-то досадить Лелупу. Но поскольку сделать это сама никак не могла, Анжель с надеждой устремила свой взор на человека, которому Лелуп проигрывал.

– Я ставлю еще! – выкрикнул Лелуп.

Кругом засмеялись:

– Да ты в пух и прах продулся, московский ку-пец!

– Похоже, вам и впрямь ставить нечего, сударь, – с преувеличенным сочувствием покачал головой де ла Фонтейн.

Лелуп начал неуклюже выбираться из своей дохи.

– О нет-нет, Бога ради! – остановил его де ла Фонтейн небрежным жестом. – Мне ваши обноски не нужны.

– Ранец с припасом! – выкрикнул было Лелуп, да тут же и осекся, сник, а де ла Фонтейн с видом победителя похлопал по стоявшему рядом с ним туго набитому ранцу. Итак, свой припас Лелуп тоже просадил!

Анжель злорадно усмехнулась. Теперь Лелуп в полной мере отведаёт насмешек армейцев, ненавидевших его, знавших о его московских «подвигах». Однако тут же встревожилась: чем унижение Лелупа обернется для нее?

А вдруг он снова примется торговать ею? Тогда, в полуразрушенной церкви, Анжель спасли амазонки русского барина, а кто спасет теперь?!

Задохнувшись от ненависти к своему угнетателю, Анжель невольно схватилась руками за горло. И в это мгновение де ла Фонтейн поднял голову от карт и увидел ее. Она попыталась принять небрежный вид, однако ей не сразу это удалось. И было ужасно стыдно, что этот чужой человек увидел, как ей больно, как ей плохо! Взгляды их встретились, и что-то промелькнуло в его глазах – вспыхнули искры душевного огня, однако он тотчас же отвел взор и ухмыльнулся, убирая карты и поднимаясь:

– Похоже, ставок больше не предвидится? Коли так, партия окончена, ибо в долг я не играю. Спасибо, Лелуп, что ты такой никудышный игрок!

Все захохотали, и этот злорадный смех, казалось, вселил в Лелупа новые силы. Он приподнялся, как бы намереваясь кинуться на де ла Фонтейна, однако вместо этого вдруг повернулся, бросился к Анжель и, схватив ее за руку, подтащил к столу.

– Вот, – прохрипел Лелуп. – Вот моя ставка! Она... против всего остального. Принимаешь? – В голосе его звучали умоляющие нотки.

Глубокая тишина воцарилась в помещении. Все с изумлением взирали на Лелупа и Анжель, и только де ла Фонтейн оставался непоколебимо спокоен. На его лице не дрогнул ни один мускул, когда он принялся сдавать карты, и вскоре внимание зрителей всецело переключилось на игроков.

Анжель стояла, будто громом пораженная.

Да... такого она не ждала даже от Лелупа! А впрочем, почему? Продавать ли ее тело, ставить ли на кон – какая разница?! Похоже, он и впрямь возомнил себя равным Богу, если решил, что после спасения Анжель ему принадлежит не только тело ее, но и душа... Никакого слова не подобрать для обозначения того, что творилось с Анжель в эти минуты. Негодование, ярость, ненависть, обида – все эти чувства отражались на ее лице.

Не скоро Анжель обрела подобие спокойствия и некоторую твердость в ногах, чтобы приблизиться к столу и посмотреть, что там происходит. Карточная игра была ей абсолютно непонятна – она тупо смотрела, как соперники перебрасываются истертыми разноцветными картинками. На них были изображены почтенного вида старики с коронами на головах, улыбчивые дамы и молодые кавалеры, сердечки, крестики, ромбики, пики. Скоро она уразумела названия мастей: трефы, черви, бубны и пики – и узнала, что черные карты треф, все без исключения, назывались козырями и превосходили по значению всю прочую колоду, так что какая-нибудь шестерка треф могла владычествовать даже и над королем – если он другой масти.

Изловчившись бросить взгляд в карты Лелупа, она не увидела ни одной черной карты. А между тем все карты были уже сданы – значит, прикупать не из чего. Игра шла к концу; Лелуп еще больше понурился, в то время как де ла Фонтейн не скрывал своего торжества: верно, у него оказались все козыри.

Вокруг по-прежнему царил тишина, и оглушительными в этой тишине показались треск и шипение, вдруг донесшиеся из очага.

Все обернулись туда как по команде, многие схватились за оружие. Гарофано кинулся к очагу, сдернул с него свой почти совсем выкипевший котелок, обжег пальцы и принялся яростно дуть на них, осыпая проклятиями и огонь, и Россию, и игроков, а в первую очередь себя самого, полнейшего и законченного дурня, о мамма миа!

Посмеявшись, все дружно повернулись к столу, игра возобновилась, и, кажется, никто не заметил, что в тот миг, когда де ла Фонтейн в испуге подскочил и обернулся на очаг, рука

Лелупа молниеносно схватила со стола одну из карт Оливье и спрятала ее. Никто этого не заметил... кроме Анжель.

Она успела даже разглядеть картинку на этой карте! Более того: именно за нею следила Анжель во время игры особенно пристально. Это была дама треф, и чем-то неуловимым: возможно, черными, затейливо убранными волосами, надменной посадкой головы, мрачным взором, злой хитростью всего облика, Бог весть чем еще отчетливо напомнила Анжель ее бывшую свекровь, графиню д'Армонти. Воспоминания эти были столь тягостны, что Анжель даже обрадовалась, когда дама треф убралась с глаз долой (Лелуп запрятал ее под себя, под свои объемистые шубы), и она не сразу поняла, что с исчезновением этой карты в игре наступил перелом.

Похоже, де ла Фонтейн растерялся. Он продолжал сражаться, однако отчаянным взором исподтишка так и шарил по столу, пытаясь сообразить, куда же подевалась козырная дама. Лелуп же сидел теперь привольно, расправив плечи, причем весь его облик выражал такое превосходство над соперником, что даже несведущему было ясно: он уже не сомневается в выигрыше!

Итак, припоминала Анжель, он поставил ее против всего: и провизии, и всех драгоценностей – значит, выиграв, вернет себе все. В том числе и камушки, которые рано или поздно поковытают у него Анжель! Она удовлетворенно улыбнулась – и тут же догадка ударила ее будто кнут: она радуется тому, что Лелуп опять получит полное право владеть ею и унижать ее! Радует, что вновь оказалась в руках этого тупого зверя!

Анжель в испуге огляделась, и глаза ее встретились с глазами де ла Фонтейна – растерянными, отчаянными и по-детски беспомощными. Бесконечно долгий миг они смотрели друг на друга, а потом перед Анжель вдруг предстало помертвелое от боли лицо Фабьена, зазвучал его голос: «Убейте меня! Ради вашей матери... ради моей матери!» – и выплыло лицо офицера, к которому Фабьен возносил столь странную мольбу, глаза этого незнакомца – растерянные, полные отчаяния и детской беспомощности. Да ведь де ла Фонтейн... да ведь он тот самый офицер!

* * *

Их новая встреча не показалась Анжель столь уж странной и поразительной. Она уже успела привыкнуть к совпадениям войны, которая прихотливо, словно забавляясь, сводила и разводила людей. Ведь что могло быть невероятнее ее встречи с Лелупом ночью, на хрустом, ломающемся льду безвестной русской реки? Однако судьба сдала ему тогда выигрышную карту – а ставкой была жизнь и судьба Анжель.

Как теперь.

В точности как теперь!

Она очнулась. Чудилось, бесконечно долго пребывала она в мире видений-воспоминаний, но здесь, в блокгаузе, минуло лишь несколько мгновений, потому что растерянный взгляд де ла Фонтейна был по-прежнему устремлен на нее. И Анжель с опаляющей ясностью поняла: в этом человеке – все ее надежды.

– Ну что, продулся в пух, Фонтейн? – торжествующе зарокотал Лелуп. – Моя взяла! Бро-сай карты!

Оливье до крови прикусил губу. Похоже, его карта бита, он побежден, продолжать игру нет смысла. Он вновь взглянул в синие глаза, неотрывно глядевшие на него, обреченно улыбнулся, как бы признавая свое поражение... и оторопел, когда молодая женщина едва заметно покачала головой, словно приказывая: «Нет! Не сдавайся!»

И Оливье в полном смятении чувств вывел на поле боя остатки своего полуразгромленного воинства. Лелуп с издевательским смехом ответил двумя королями, зная, что победа у него уже в кармане... точнее сказать, под задницей.

Оливье, ошалело моргая, смотрел на стол. Да, все кончено... Бог не с ним, а против него. А он-то уже представлял, как сегодня ночью эта синеглазая красавица будет безумствовать в его объятиях! Он воцелел к ней, как ни к одной женщине в мире, однако хотел, чтобы она сама выбрала его, сама пришла к нему, сама обняла! Чтобы поняла: при виде ее с сердцем Оливье что-то произошло – невообразимое и прекрасное, оно расцвело и переполнилось нежностью, оно...

Резкий drobный стук прервал его грустные размышления, и Оливье не поверил своим глазам, увидев, как, подпрыгивая и весело сверкая, разбегаются по грязному, затоптанному полу рубины и изумруды, бриллианты и золотые монеты, а впереди всех катилась, словно почуяв свободу, крупная не сверленная жемчужина ослепительной красоты.

Часовой, дремавший снаружи под монотонный шум елей, подскочил на месте, услышав, как блокгауз вдруг взревел человеческим голосом, вернее, многоголосым хором, и, чудилось, заходил ходуном: это все, столпившиеся вокруг стола, с криком бросились подбирать камушки, а резвее всех – Лелуп, вопивший:

– Не трогать! Это мое!

И в то же мгновение замешкавшийся за столом Оливье увидел, как треклятая козырная дама возникла перед ним, словно упала с небес... во всяком случае, была сброшена откуда-то сверху. Оливье вскинул взор и встретил теплую улыбку синих глаз, и еще один бесконечно долгий миг они глядели друг на друга, прежде чем Оливье осознал: она выбрала его! Она пришла к нему!

* * *

К сожалению, камней было слишком мало. Пятеро-шестеро самых проворных расхватили все, и теперь люди поднимались с пола – кто угрюмый, кто довольный, кто просто веселась над неожиданной потехой.

– Не трогайте, сволочи! Руки прочь, свиньи! – ревел Лелуп, то принимаясь выковыривать бриллиант, застрявший в щели меж досок, то пытаясь оттолкнуть Гарофано, придавившего рубиновый кабашон своим дырявым сапогом.

Жемчужина, к сожалению, исчезла бесследно в чьих-то жадных лапах, но кое-что подобрать Лелупу все-таки удалось.

– Какой же я болван! – воскликнул он. – У меня же еще были, были камни! Наверное, застряли в складках шубы, а я думал, что уж все поставил! – Он зашелся клопочущим хохотом, вспоминая, что партия – его, а значит, он вернул все свои ценности, да и девка остается у него...

Торжественно усевшись за стол, он бросил снисходительный взгляд на разбросанные карты и не сразу понял, о чем говорит Фонтейн:

– Сожалею, сударь, но я совсем позабыл, что у меня осталась еще одна карта.

И он бросил на стол даму треф.

Лелуп какое-то время смотрел на нее, и выражения недоверия, изумления, разочарования, ярости медленно сменялись на его лице. Это было такое потрясающее зрелище, что часовой снаружи снова вздрогнул, ибо блокгауз опять затрясся – на сей раз уже от оглушительного хохота.

Лелуп вскочил, резко обернулся и, ошеломленный, устоял на табурет, на котором сидел. Дамы там не оказалось. Он завертелся, принялся трясти свою доху, уверенный, что карта пристала к меху, но все напрасно. Ему не почудилось: дама треф надменно улыбалась в руках

Фонтейна, и это была не какая-нибудь дополнительная, шулерская карта, а именно та самая дама треф!

Лелуп, когда требовала ситуация, соображал быстро. Он смекнул, что кто-то украл у него карту, когда он, как безумный, кинулся подбирать камушки. Но кто?! Лелуп впился взором в изуродованное сабельным ударом лицо гусара-нормандца, который единственный не принимал участия в погоне за драгоценностями, ибо не мог без посторонней помощи сдвинуть с места свою раненую да вдобавок к тому сломанную и теперь сдавленную берестой ногу.

– Кто? Ты видел? Кто? – заорал Лелуп.

Нормандец старательно зевнул, показывая, что спал и видеть ничего не мог. Да уж, нормандцы – люди ловкие, хитрые, никогда не дадут прямого ответа на заданный вопрос. А уж если они вовсе не желают отвечать...

– Лелуп, если ты решил показать, что научился танцевать *à la russe*¹⁶, то мы здесь не на балу, – вернул его к действительности ненавистный голос. – Покажи лучше свои карты.

Лелуп одеревеневшей рукою перевернул веер карт, и все увидели то, на что он возлагал свои горделивые надежды: на столе лежал валет треф. Последний играющий козырь! Да, Лелуп уже держал победу в руках, и если бы не эта дама...

Дама!

Смутная догадка явилась исподволь, как бы нехотя, и он медленно повернул голову.

Она, его дама, уже не спала, а сидела на тюке, старательно натягивая сапожок на свою высоко поднятую длинную и стройную ножку. Вот, довольная результатом, повертела носком туда-сюда, опустила ножку, потопала об пол, проверяя, удобно ли, – и вскинула на Лелупа глаза.

Он покачнулся и невольно вскинул руку, пытаясь заслониться от жгучего синего взора, горящего огнем неприкрытой, бесстрашной ненависти. А злорадная улыбка Анжель словно кричала: «Да, это я! Это сделала я! И я тебе больше не принадлежу!»

Лелуп негромко, хрипло застонал, протягивая вперед свои толстые, алчно шевелящиеся пальцы, мечтая сейчас об одном: сомкнуть их на горле этой предательницы и уже никогда не размыкать. Но тут Фонтейн встал на его пути, сжав кулаки, сведя брови, сказал:

– Ты проиграл, Лелуп! Она теперь моя!

Взревев, как раненый зверь, Лелуп хотел кинуться на соперника, но не смог даже с места сдвинуться: казалось, все, находившиеся в блокгаузе, вцепились в него, повисли на его плечах, не давая шевельнуться; а потом Лелупа поволокли к двери и вытащили вон, морозный воздух вернул ему силы и способность соображать, и он отбивался изо всех сил, но напрасно: его дотащили чуть не до леса, причем ни один не упустил случая пнуть ногой поверженного волка или выплюнуть ему в лицо какое-то ругательство – каждый припомнил Лелупу давнюю обиду, отнятый кусок хлеба, обманом или угрозами отобранную добычу, предательский удар, грубость, кичливость, жестокость... Но в конце концов они ушли, бросив Лелупа в сугроб, брезгливо свалив рядом его тюки и оставив тут же лошадь, то есть проявили последнее, граничащее с отвращением великодушие. До распростертого в снегу Лелупа еще какое-то время доносились их удаляющиеся шаги и смех. Потом он услышал грозный окрик:

– Часовые! Если эта падаль вздумает вернуться – стрелять без предупреждения!

* * *

– Ваше здоровье, сударыня!

– Ваше здоровье!

– Твое здоровье, де ла Фонтейн!

¹⁶ По-русски (франц.).

– Пусть эта красавица любит тебя, как тебя любит удача, друг Оливье! – раздавались голоса вокруг, и все тянулись с кружками, бутылками, флягами к де ла Фонтейну и Анжель, которые стояли, как дети, держась за руки, и растерянно глядели друг на друга.

«Анжель. Ее зовут Анжель. Ангел мой!» – твердил про себя Оливье.

«Оливье... Значит, его зовут Оливье, – мысленно повторяла Анжель. – Оливье. Красивое имя. И он сам красив... и какое у него доброе лицо!»

Может быть, не зря она сегодня пожертвовала всеми своими сокровищами, ухитрившись в самую подходящую минуту достать их из сапожков и разбросать по полу? Она хотела купить на них свободу от Лелупа – и купила. Ох, как злобно покосилась на нее с этой карты графиня д'Армонти, принявшая образ роковой дамы трэф! Как скривилась от бессильной злобы! Бог даст, еще и сама маман задохнется от беззубой ненависти. Только теперь отчетливо прорисовалось перед Анжель то, что прежде лишь маячило туманно и раздражало невозможностью: найти графиню и отомстить ей! И что-то подсказывало: осуществить сие поможет этот человек, Оливье де ла Фонтейн.

– Здоровье новобрачных! – завопил кто-то дурашливо, заметив, как безотрывно смотрят друг на друга эти двое.

Но никто не захохотал, никто не разразился сальными шуточками – все закричали в один голос:

– Виват! – И вновь потянулись чокаться с Анжель и Оливье, словно они и впрямь были новобрачными, вокруг которых столпились их ближайшие друзья.

– Стелить новобрачным постель! – завопил Гарофано, и все подхватили:

– Постель!

– Постель новобрачным!

Через какое-то мгновение в самом чистом углу блокгауза возвышалась гора шуб, одеял и мехов. Все это великолепие было тщательно огорожено еще одним множеством шуб, одеял и плащей, так что никакой, даже самый нескромный взор не мог бы проникнуть к «новобрачным». Казалось, всякий, даже самый сирий и неимущий ночевщик блокгауза внес свою лепту в устройство этого любовного гнездышка, самоотверженно решив спать на голом полу.

Анжель со смущенной улыбкой озиралась, едва различая лица этих людей сквозь пелену невольных слез.

– Спасибо... ох, спасибо же вам... – шептала она бессвязно, готовая обнять и благодарить их всех, всех без исключения; а когда Гарофано вдруг расстегнул свой невероятно грязный мундир и откуда-то из его пропотевших глубин достал и преподнес Анжель крошечный букетик засохших красных гвоздик, она не выдержала и крепко расцеловала смущенного итальянца в обе щеки. Оливье последовал ее примеру.

Гарофано преподнес ей как бы свою душу: ведь garofano – по-итальянски «гвоздика», этот цветок у французов и итальянцев служит символом храбрости и беззаветной отваги, так что Наполеон Бонапарт, учреждая 15 мая 1802 года орден Почетного легиона, избрал цвет гвоздики цветом этого высшего французского ордена. Наполеоновские солдаты верили в чудодейственность гвоздики и бережно хранили ее при себе, считая ее талисманом против вражьи пуль и средством, возбуждающим храбрость в бою. Оливье вспомнил, сколько таких букетиков находили после битвы на груди храбрецов, которым никогда не суждено было увидеть свою родину. Пусть уж лучше гвоздики будут украшением красавицы!

Оливье прекрасно понимал, чем вызвано воодушевление и великодушие этих, еще недавно ожесточенных, одетых в панцирь ненависти людей. Конечно, прелесть Анжель, конечно, освобождение красавицы рыцарем, однако здесь главным было торжество над Лелупом, который всегда воплощал для простых армейских чинов всю старую гвардию с ее наглой, беспардонной заносчивостью, а через это – все приближенное к Наполеону, все то, что завлекло их ослепительной мечтой, одурманило жадностью ум и сердце, превратив мирных крестьян,

пекарей, возчиков, каменотесов, строителей, мещан в банду оголтелых грабителей и убийц, – а потом обмануло, бросило на произвол судьбы в этих бескрайних враждебных просторах.

Оливье встряхнулся, отгоняя грустные мысли, и увидел, что цветов в руках Анжель стало гораздо больше, ибо почти каждый последовал примеру Гарофано. Теперь у нее был почти настоящий букетик новобрачной, да и Оливье почувствовал себя истинным женихом, когда, под хор приличных и не очень приличных пожеланий (так ведь принято на свадьбах!), за ними плотно задернули занавески. Он опустился на пышное ложе, осторожно увлекая за собою Анжель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.